

*Угодка Ясная
природы*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Улыбка жила природы

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ О РОДНОЙ ПРИРОДЕ

Ленинград
„Детская литература“
1976

РС мл
У 50

Составитель Л. Н. Камышанова

Предисловие В. А. Мануйлова

РИСУНКИ В. ЗВОНЦОВА И Е. ЗВОНЦОВОЙ

У $\frac{70802-117}{М 101 (03)-76}$ 134-76

© ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“, 1976 г. ИЛЛЮСТРАЦИИ.

К ЧИТАТЕЛЮ

Быть может, эта книга тебе, мой друг, поначалу покажется не очень интересной. В ней нет увлекательных приключений, весёлых историй. Читай её не спеша, по несколько страничек в день. Читай и перечитывай, возвращаясь к уже прочитанному. И ты заметишь, что не всё понял и оценил в первый раз. Собранные в этой книге стихотворения и отрывки из рассказов и повестей наших русских писателей открывают тебе мир природы, её жизнь.

Подумай, что это значит — *природа*? Как ты понимаешь это слово? Ты его слышишь и произносишь так же часто, как слова: *погода, весна, лето, осень, зима, утро, день, вечер, ночь*.

Каждого из нас всегда и всюду окружает природа. Каждого человека — взрослого и ребёнка, каждого мальчика и девочку, и тебя в том числе — всех нас кормит и поит, радует, а иногда и пугает — природа.

Жители городов не всегда замечают жизнь природы, даже иногда забывают, что без матери-природы нам было бы нечем дышать и мы не могли бы жить.

Природа — это небо и небесные светила: звёзды, Солнце, Луна, гонимые ветром облака, ледяные вершины гор, песчаные пустыни, сбегаящие к реке ручьи, водопады, волны озёр и морей, бьющие в скалистые берега, птицы, щебечущие в густой чаще леса, грибы, которые мы собираем на исходе дождливого лета, бабочки, порхающие над цветком розового шиповника, пчёлы, собирающие мёд на гречишном поле. Всё это природа, без которой мы не можем представить себе нашу жизнь.

Человек задумывается о смене времён года: почему после знойного лета наступает пасмурная осень, а затем зима укрывает пушистым снежным ковром опавшие листья и корни уснувших деревьев, кустов, а после зимы приходит весна...

Когда у нас лето, солнечные лучи падают прямо на землю, мы видим солнце высоко в небе, а зимой солнечные лучи падают косо, солнце поднимается над горизонтом гораздо ниже.

Вот как Пушкин описал пробуждение весны:

Гонимы вешними лучами
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;

Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют,
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой,
Долины сохнут и пестреют,
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

Пушкин называет весну *утром года*, он сравнивает год с сутками. Мы различаем четыре времени года и четыре времени суток. Утром светает — и начинается день, природа пробуждается ото сна. Нам представляется, что Солнце восходит на востоке, освещая всё, что мы видим вокруг. Днём Солнце проходит видимый нами путь по небу, а на самом деле это Земля поворачивается навстречу кажущемуся движению Солнца. Вечером Солнце заходит и всё больше начинает освещать противоположную сторону Земли. Там наступает утро, а к нам приходит ночь. На тёмном небе, если оно не покрыто облаками, проступают далёкие звёзды, которых мы не видели днём из-за яркого солнечного света.

Люди не сразу поняли, почему бывает день и ночь, они не догадывались о том, что наша Земля шарообразна и, вращаясь вокруг себя самой, вместе с тем движется вокруг Солнца. Но люди очень давно почувствовали и поняли, что Солнце освещает и согревает Землю и дарит ей жизнь.

Бывает и так, что стихийные силы — ураганы, наводнения, землетрясения — губят посевы, разрушают города, угрожают жизни людей. Человек стремится защититься от этих бедствий. Но всё-таки он должен помнить, что природа — кормилица всего живого на земле. Нужно бережно распоряжаться богатствами природы и брать её дары, не нарушая привычный образ жизни растений и животных. Человек должен охранять плодородную землю от истребления лесов, от загрязнения вод и воздуха, от всяких разрушительных действий. Не правда ли, и ты, когда

вырастешь, будешь горячо любить природу и станешь её заботливым другом и смелым защитником?

Удивительна способность человека воспринимать, познавать мир. Глаза видят цветущие ветки сирени и различают лиловые соцветия на одном кусте и белые на другом. Мы смотрим, и зрение открывает нам многообразие красок и форм растений, животных, картин природы. Вместе с тем мы слышим шум листвы, колеблемой ветром, мы на слух определяем, как далеко от нас кукует кукушка, наши уши улавливают малейший шорох на лесной тропинке. Мы чувствуем тонкий, свежий запах спелой малины и ощущаем на вкус языком сладость её ягод. Прикасаясь к гладкому стволу берёзы, мы осязаем нежность берёсты и никогда не спутаем это ощущение с прикосновением к шершавой коре старого дуба. Пять чувств — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание — открывают нам путь к познанию мира, дают возможность составить представление обо всём, что нас окружает.

Каждый человек, день за днём наблюдая природу, размышляет о жизни. Эти размышления особенно занимают мыслителей — учёных, наблюдательных естествоиспытателей, писателей и художников.

В своих произведениях писатели и художники воссоздают явления жизни, и прежде всего — природы. Поэт может описать яблоко так живо и выразительно, что мы почувствуем его цвет, вкус и запах. А художник рисует или пишет яблоко на холсте. Это нарисованное яблоко будет жить своей жизнью. Оно не утолит нашей жажды и голода, но будет долго-долго радовать взгляд неувядающей свежестью и славить этот дар природы.

Русские люди всегда любили родные края, родную природу. И неудивительно, что писатели и художники создали множество описаний и картин, изображающих просторы нашей земли.

В этой книге собраны стихотворения и отрывки из рассказов и повестей лучших русских писателей XIX — нача-

ла XX века. В них речь идёт о нашей природе в разные времена года.

Сборник состоит из четырёх частей: утро, день, вечер, ночь. Но утро, вечер бывают разные.

Ты прочтёшь здесь стихотворения и прозаические отрывки о летнем и зимнем утре, а в предпоследнем разделе — о зимнем вечере и о ясном, тёплом вечере русского лета. Почти все эти описания природы связаны с человеком, взрослым или ребёнком, с его жизнью и интересом к явлениям природы. Это понятно, ведь все мы связаны с природой, с состоянием погоды. А погода окрашивает пейзаж в светлые, радостные или сумрачные тона.

Державин, Жуковский, Пушкин, творившие в начале прошлого, XIX века, а затем Гоголь, Тургенев, Лев Толстой в середине века, Чехов, Куприн и Бунин в конце XIX столетия часто обращались к жизни природы и, всё пристальнее всматриваясь в неё, глубже понимали связь человека, и, конечно, русского человека, с родной землёй и её природой, единственной и неповторимой родиной.

Сравни эти описания, сделанные в разные годы нашими писателями-классиками, и ты увидишь, как развивалась наша литература, как у писателей находились всё новые и новые слова и понятия для изображения картин природы. Прочти эти страницы — и перед тобой откроются многие неведомые тебе тайны, и ты увидишь лицо великой страны, красавицы России, любовь к которой нам завещали наши поэты и художники.

В. Мануйлов

Yūpo

В. А. Жуковский

ЖАВОРОНОК

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
«Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны»...

И. С. Тургенев

ВСЁ ПРОСНУЛОСЬ, ЗАПЕЛО, ЗАШУМЕЛО

...Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро начиналось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и пошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редящего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, пронесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

(Из рассказа „Божин луг“)

М. Ю. Лермонтов

Я ЛЮБИЛ ПРИРОДУ...

...Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зелёных вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление; в ущелье не проникал ещё радостный луч молодого дня; он золотил только верхи утёсов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах,

при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождём. Я помню — в этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматривался я в каждую росинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! Как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь всё становился уже, утёсы синее и страшнее, и наконец они, казалось, сходились непроницаемой стеной. Мы ехали молча...

(Из романа „Герой нашего времени“)

А. П. Чехов

СТЕПЬ... УЛЫБНУЛАСЬ И ЗАСВЕРКАЛА РОСОЙ

...Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землёю, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-жёлтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то тёплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей, понеслась навстречу другим полосам, и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля — всё, побуревшее от зноя, рыжее и полумёртвое, теперь омытое росой и обласканное солнцем, оживало, чтобы вновь зацвести. Над дорогой с весёлым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы. Стадо куропаток, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своим мягким «тррр» полетело к холмам. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затянули в траве свою скрипучую монотонную музыку.

(Из повести „Степь“)

И. С. Никитин

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Ясно утро. Тихо веет
Тёплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
В зареве восток.

Окаймлённое кустами
Молодых раkit,
Разноцветными огнями
Озеро блестит.

Тишине и солнцу радо,
По равнине вод
Лебедей ручное стадо
Медленно плывёт;

Вот один взмахнул лениво
Крыльями — и вдруг
Влага брызнула игриво
Жемчугом вокруг.

Привязав к раkitам лодку,
Мужички вдвоём,
Близ осоки, втихомолку,
Тянут сеть с трудом.

По траве, в рубашках белых,
Скачут босиком
Два мальчишки загорелых
На прутах верхом.

Крупный пот с них градом льётся,
И лицо горит;
Звучно смех их раздаётся,
Голосок звенит.

«Ну, катай наперегонки!»
А на шалунов
С тайной завистью девчонка
Смотрит из кустов.

«Тянут, тянут! — закричали
Ребятишки вдруг. —
Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей и щук».

Вот на берегу отлогом
Показалась сеть.
«Ну, вытряхивай-ка, с богом —
Нечего глядеть!»

Так сказал старик высокий,
Весь как лунь седой,
С грудью выпукло-широкой,
С длинной бородой.

Сеть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На песке затрепетали
Окуни, линьки.

Дети весело шумели:
«Будет на денёк!»
И на корточки присели
Рыбу класть в мешок...

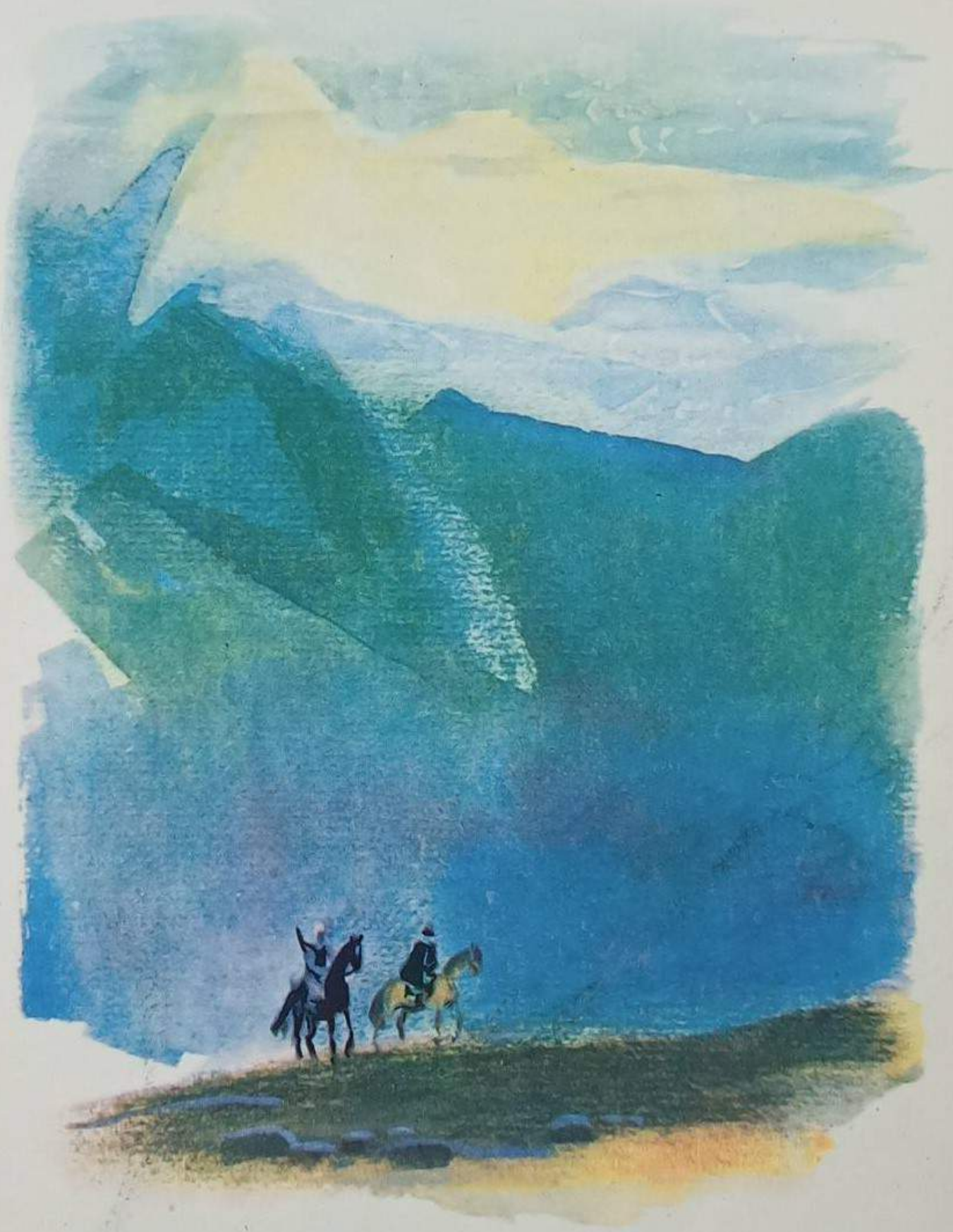

М. Ю. Лермонтов

ЧЕРНЕЛИ МРАЧНЫЕ ТАИНСТВЕННЫЕ ПРОПАСТИ...

...Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звёзд чудными узорами сплетались на далёком небосклоне и одна за другою гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по тёмно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня...

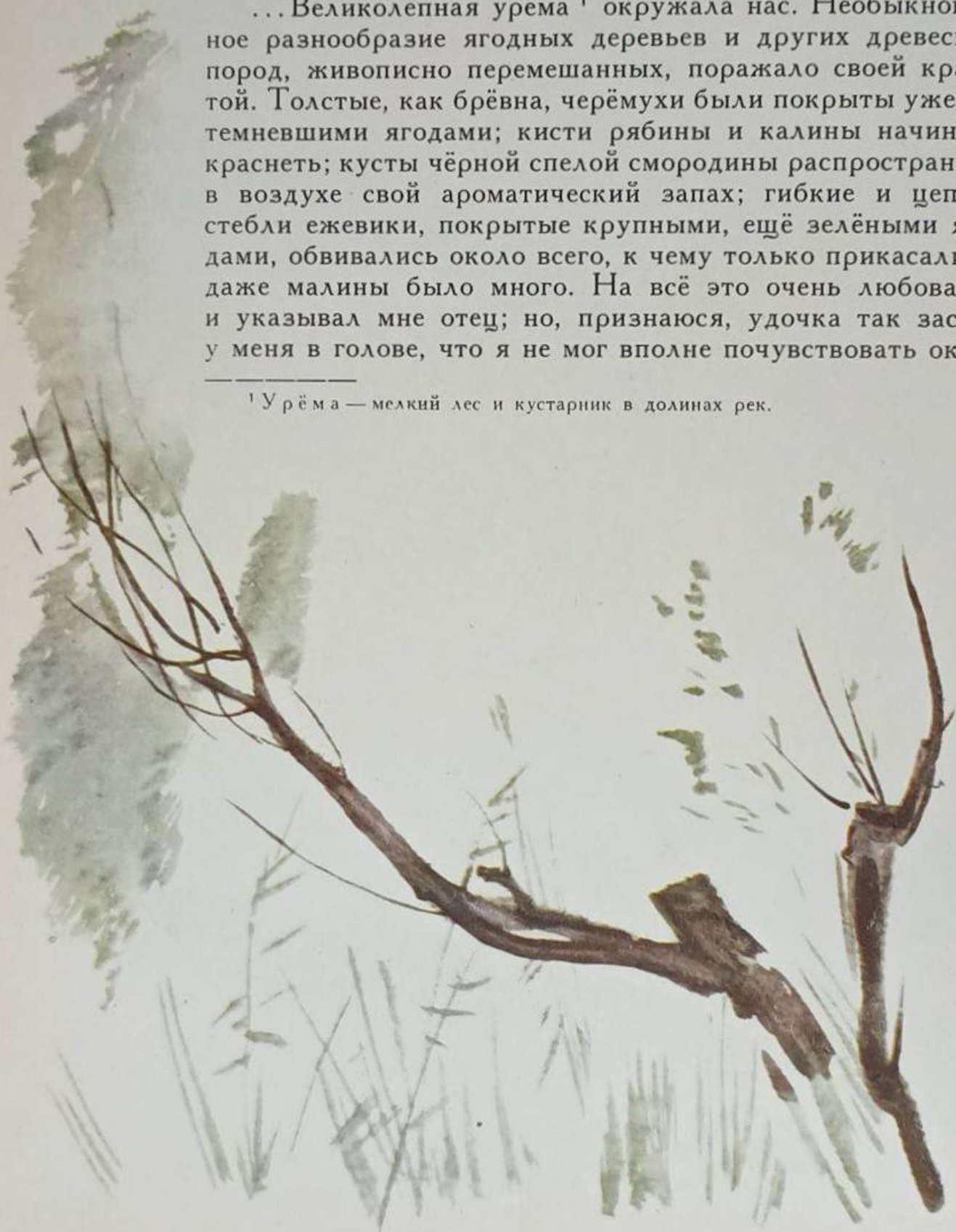
(Из романа „Герой нашего времени“)

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ УРЁМА

...Великолепная урёма¹ окружала нас. Необыкновенное разнообразие ягодных деревьев и других древесных пород, живописно перемешанных, поражало своей красотой. Толстые, как брёвна, черёмухи были покрыты уже потемневшими ягодами; кисти рябины и калины начинали краснеть; кусты чёрной спелой смородины распространяли в воздухе свой ароматический запах; гибкие и цепкие стебли ежевики, покрытые крупными, ещё зелёными ягодами, обвивались около всего, к чему только прикасались; даже малины было много. На всё это очень любовался и указывал мне отец; но, признаюсь, удочка так засела у меня в голове, что я не мог вполне почувствовать окру-

¹ Урёма — мелкий лес и кустарник в долинах рек.

жавшую меня пышную и красивую урёму. Как только мы напились чаю, я стал просить отца, чтобы он показал мне ужение. Наконец, мы пошли, и Евсеич с нами. Он уже вырубил несколько вязовых удилищ, наплавки сделали из толстого зелёного камыша, лесы привязали и стали удить с плоту, поверя словам башкирцев, что тут «ай-ай, больно хорошо берёт рыба». Евсеич приготовил мне самое лёгонькое удилище и навязал тонкую лесу с маленьким крючком; он насадил крошечный кусочек мятого хлеба, закинул удочку и дал мне удилище в правую руку, а за левую крепко держал меня отец: ту же минуту наплавки привстал и погрузился в воду, Евсеич закричал: «Тащи, тащи...», и я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в лихорадке, и совершенно не помнил себя от радости...

(Из хроники „Детские годы Багрова-внука“)

А. А. Фет

* * *

Я пришёл к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришёл я снова,
Что душа всё так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, — но только песня зреет.

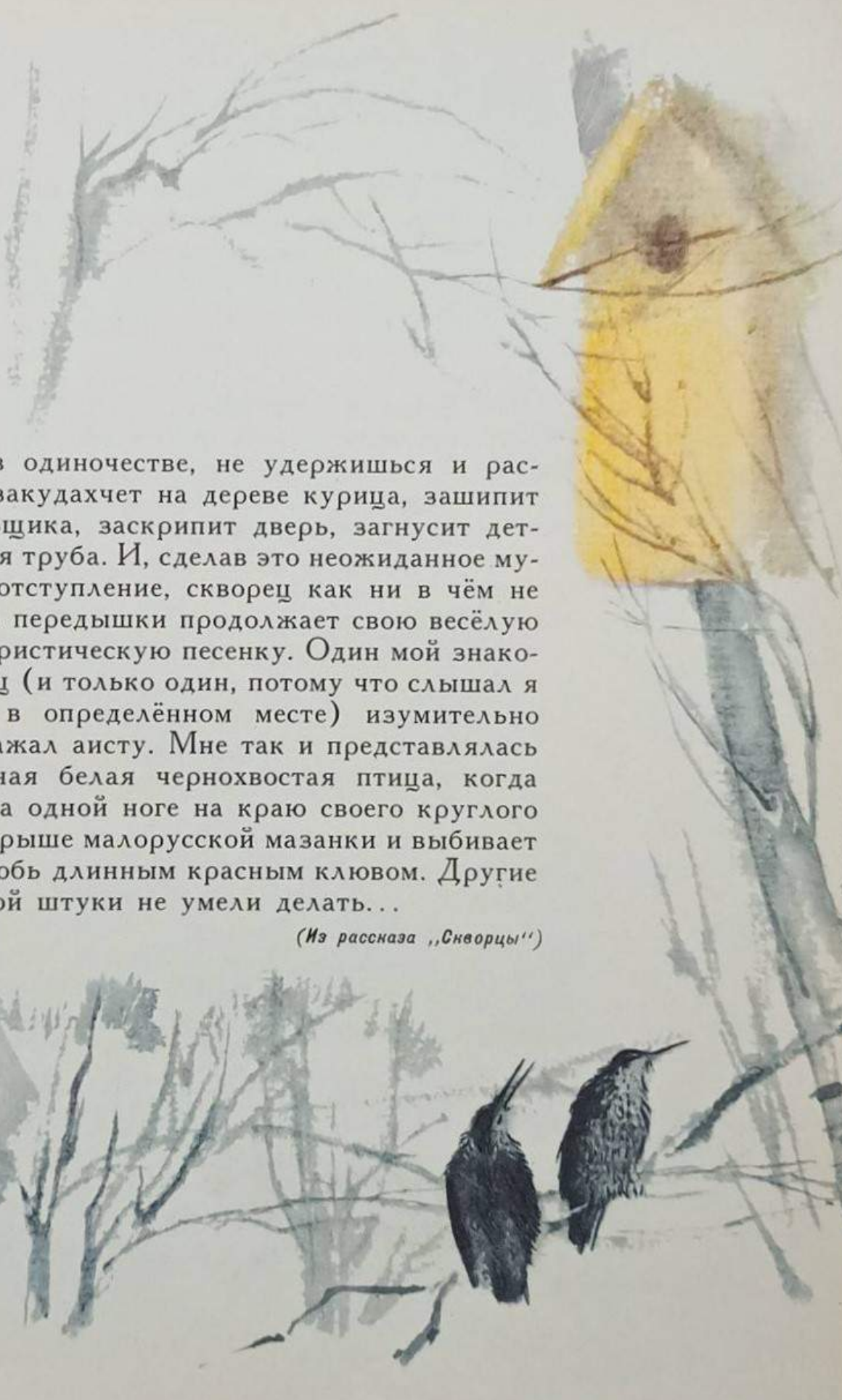
А. И. Куприн

МИЛАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА

...Лучше всего наблюдать скворца рано утром, до восхода солнца, а для этого надо и вставать пораньше. Впрочем, старинная умная поговорка гласит: «Кто рано встал, тот не потерял». Если вы по утрам, каждый день, будете сидеть тихо, без резких движений где-нибудь в саду или в огороде, то скворцы скоро привыкнут к вам и будут подходить совсем близко. Попробуйте бросать птице червяков или крошки хлеба сначала издали, потом всё уменьшая расстояние. Вы добьётесь того, что через некоторое время скворец будет брать у вас пищу из рук и садиться вам на плечо. А прилетев на будущий год, он очень скоро возобновит и заключит с вами прежнюю дружбу. Только не обманывайте его доверия. Разница между вами обоими только та, что он маленький, а вы — большой. Птица же — создание очень умное, наблюдательное; она чрезвычайно памятлива и признательна за всякую доброту.

И настоящую песню скворца надо слушать лишь ранним утром, когда первый розовый свет зари окрасит деревья и вместе с ними скворечники, которые всегда располагаются отверстием на восток. Чуть немного согрелся воздух, а скворцы уже расселись на высоких ветках и начали свой концерт. Я не знаю, право, есть ли у скворца свои собственные мотивы, но вы наслушаетесь в его песне чего угодно чужого. Тут и кусочки соловьиных трелей, и резкое мяуканье иволги, и сладкий голосок малиновки, и музыкальное лепетанье пеночки, и тонкий свист синички, и среди этих мелодий вдруг раздаются такие звуки,

что, сидя в одиночестве, не удержишься и рас-
смеёшься: закудахчет на дереве курица, зашипит
нож точильщика, заскрипит дверь, загнусит дет-
ская военная труба. И, сделав это неожиданное му-
зыкальное отступление, скворец как ни в чём не
бывало, без передышки продолжает свою весёлую
милую юмористическую песенку. Один мой знако-
мый скворец (и только один, потому что слышал я
его всегда в определённом месте) изумительно
верно подражал аисту. Мне так и представлялась
эта почтенная белая чернохвостая птица, когда
она стоит на одной ноге на краю своего круглого
гнезда, на крыше малорусской мазанки и выбивает
звонкую дробь длинным красным клювом. Другие
скворцы этой штуки не умели делать...

(Из рассказа „Скворцы“)

А. С. Пушкин

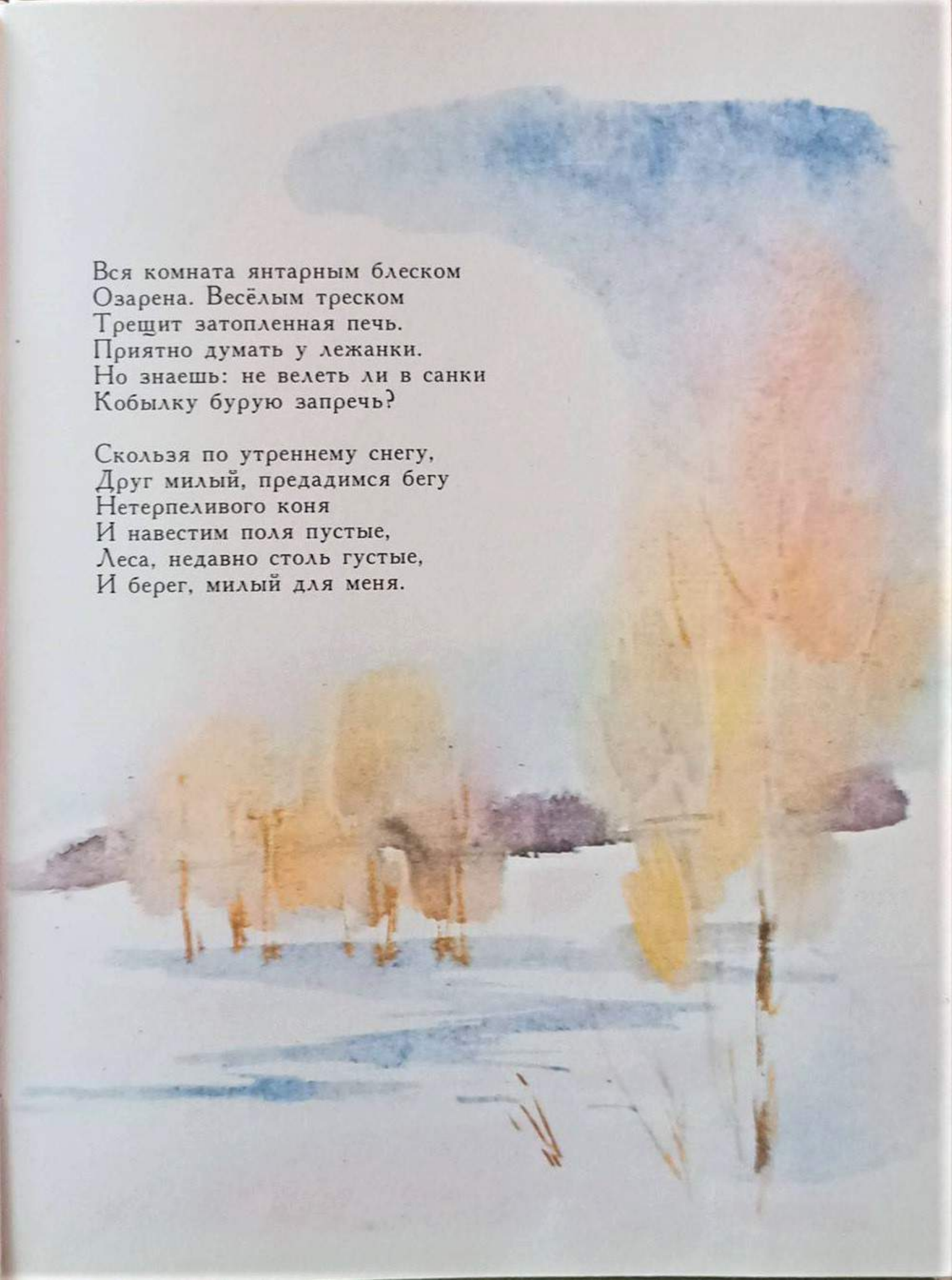
ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

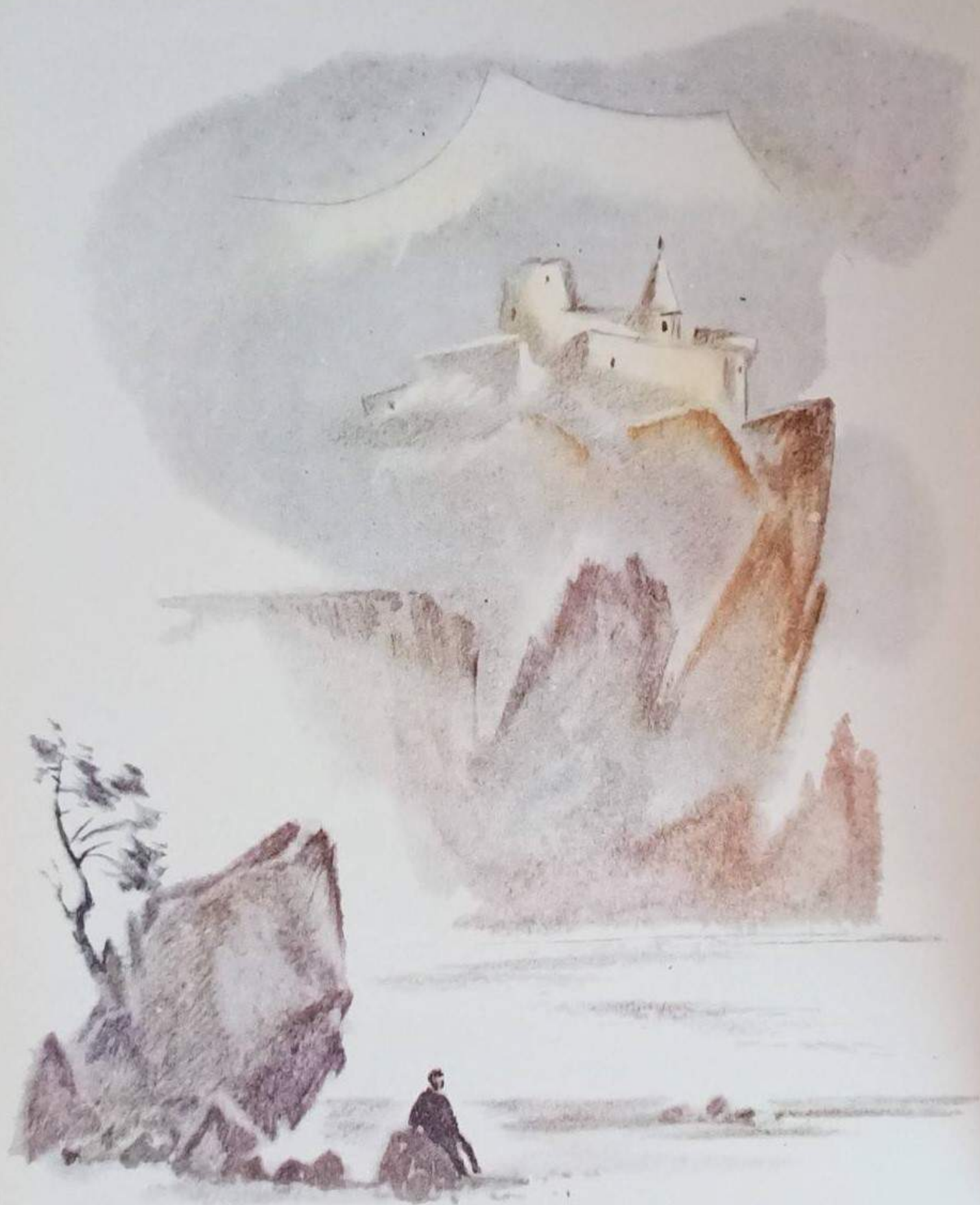
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

А. С. Пушкин

ЧУДНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

...Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединённый монастырь, озарённый лучами солнца, казалось плавал в воздухе, несомый облаками. Бешеная Балка также явилась мне во всём своём величии: овраг, наполнившийся дождевыми водами, превосходил в своей свирепости самый Терек, тут же грозно ревевший. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты были с места и загромождали проток. Множество осетинцев разрабатывали дорогу. Я переправился благополучно.

(Из путевых заметок „Путешествие
в Арзрум во время похода 1829 года“)

А. И. Куприн

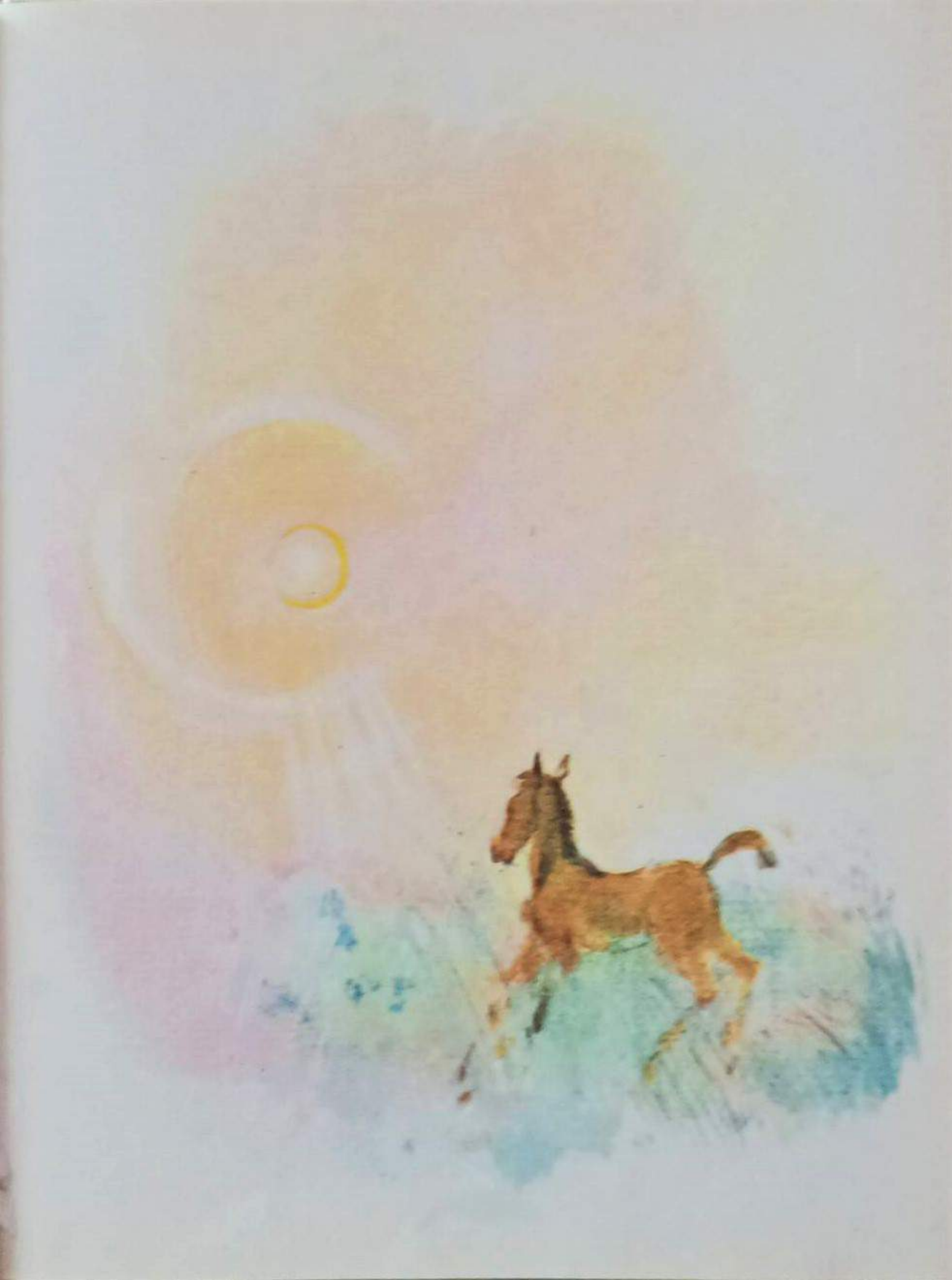
СОН ЖЕРЕБЁНКА

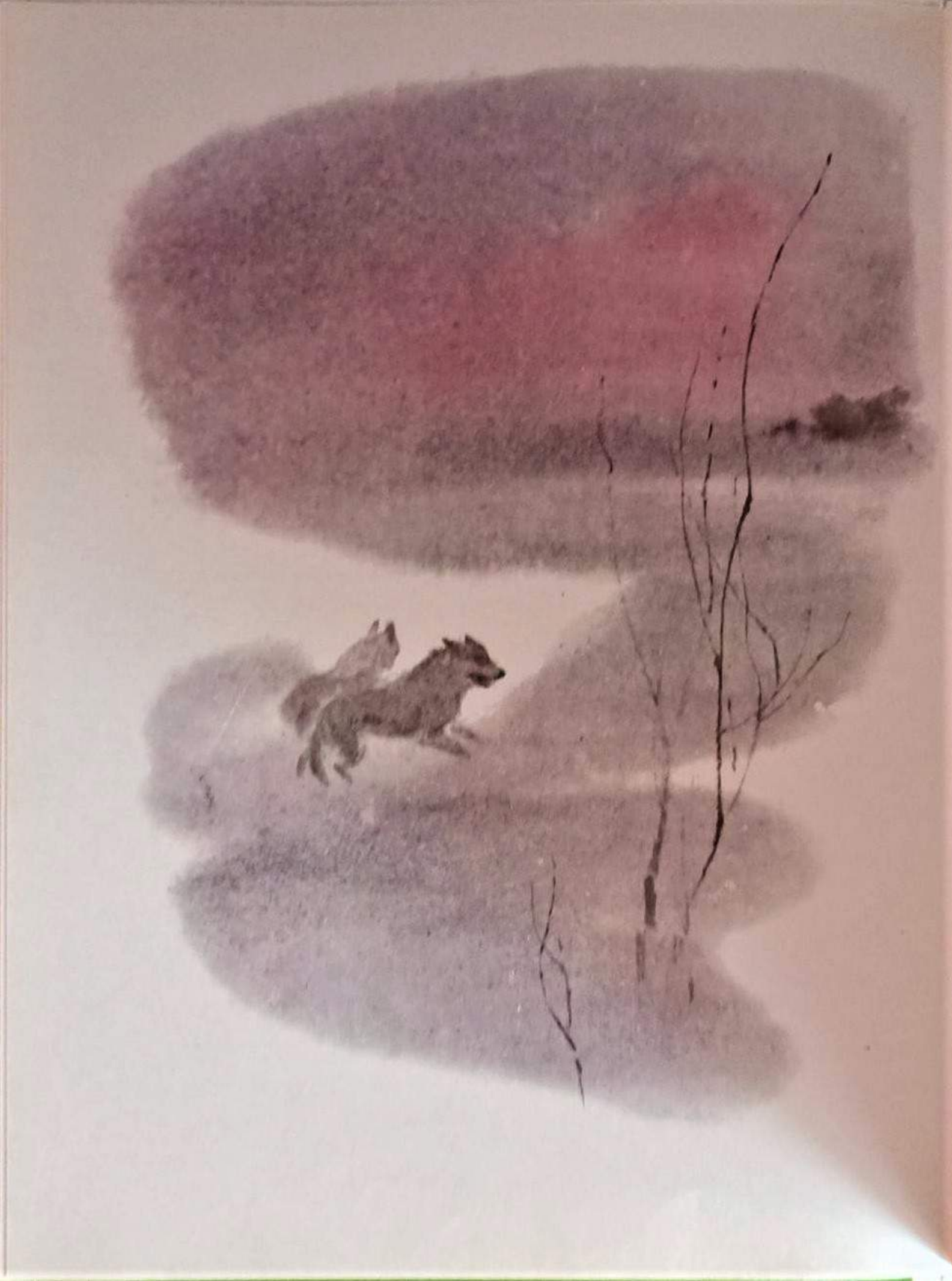
Перед самым рассветом он увидел во сне раннее весеннее утро, красную зарю над землёй и низкий ароматный луг. Трава была так густа и сочна, так ярко, сказочно-преlestно зелена и так нежно розовела от зари, как это видят люди и звери только в раннем детстве, и всюду на ней сверкала дрожащими огнями роса. В лёгком редком воздухе всевозможные запахи доносятся удивительно чётко. Слышен сквозь прохладу утра запах дымка, который синё и прозрачно вьётся над трубой в деревне, все цветы на лугу пахнут по-разному, на колеистой влажной дороге за изгородью смешалось множество запахов: пахнет и людьми, и дёгтем, и лошадиным навозом, и пылью, и парным коровьим молоком от проходящего стада, и душистой смолой от еловых жердей забора.

Изумруд, семимесячный стригунок, носится бесцельно по полю, нагнув вниз голову и взбрыкивая задними ногами. Весь он точно из воздуха и совсем не чувствует веса своего тела. Белые пахучие цветы ромашки бегут под его ногами назад, назад. Он мчится прямо на солнце. Мокрая трава хлещет по бабкам, по коленкам и холодит и темнит их. Голубое небо, зелёная трава, золотое солнце, чудесный воздух, пьяный восторг молодости, силы и быстрого бега!

Но вот он слышит короткое, беспокойное, ласковое и призывающее ржание, которое так ему знакомо, что он всегда узнаёт его издали, среди тысячи других голосов. Он останавливается на всём скаку, прислушивается одну секунду, высоко подняв голову, двигая тонкими ушами и отставив метёлкой пушистый короткий хвост, потом отвечает длинным залихватским криком, от которого сотрясается всё его стройное, худощавое, длинноногое тело, и мчится к матери.

(Из рассказа „Изумруд“)

А. С. Пушкин

* * *

Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовёт его рожок;
В избушке, распевая, дева
Прядёт, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

(Из романа „Евгений Онегин“)

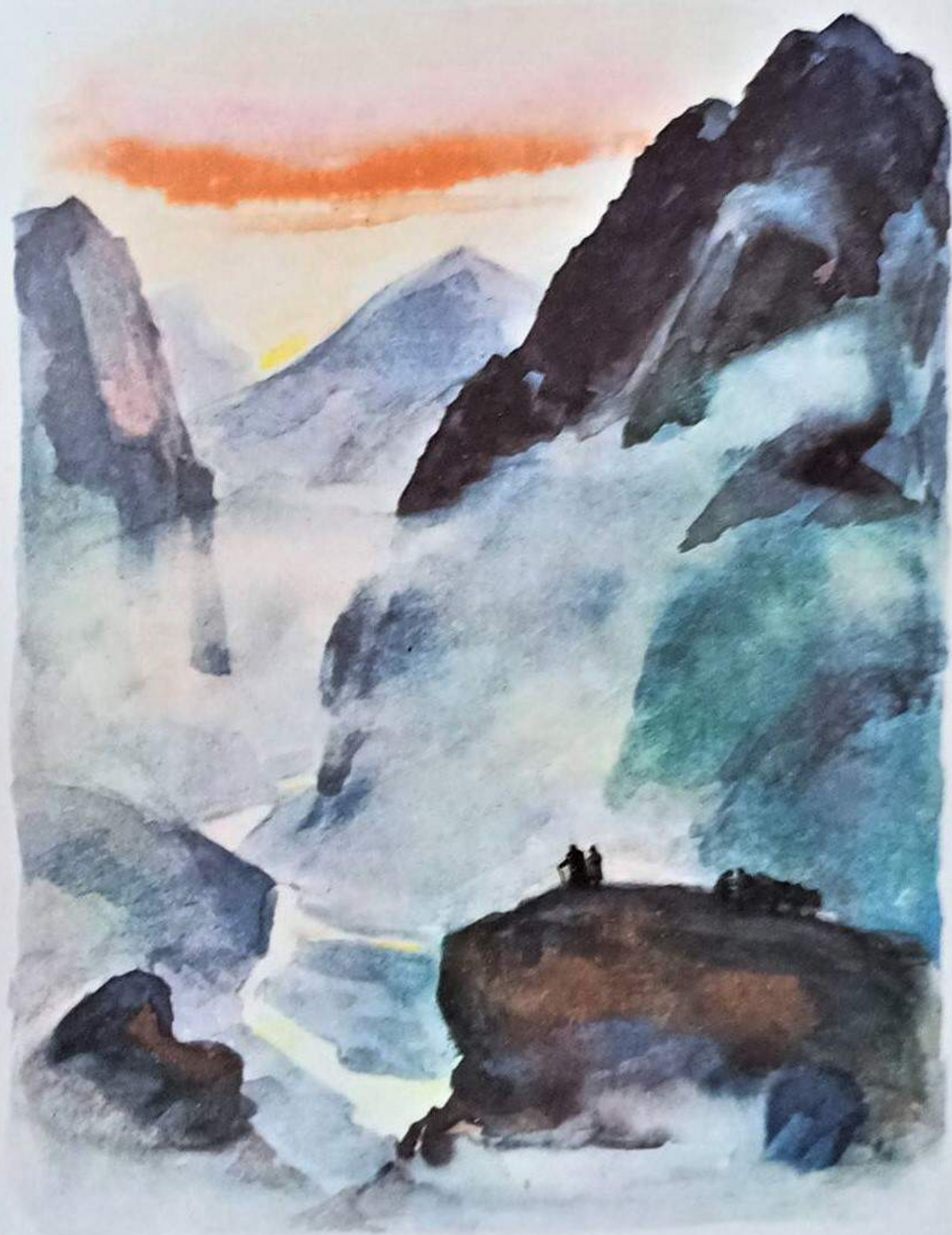

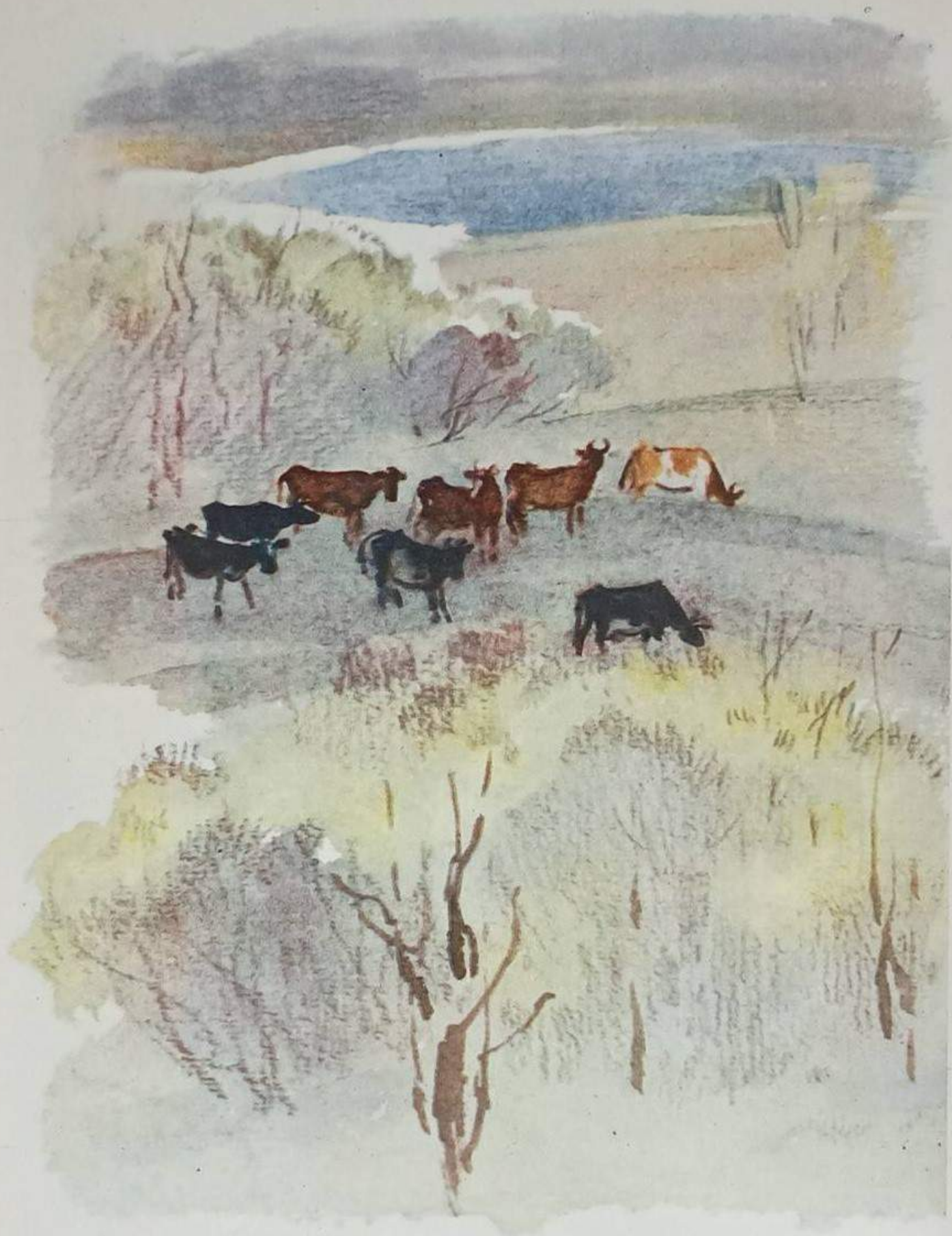
М. Ю. Лермонтов

ТУТ БЫ И ОСТАТЬСЯ ЖИТЬ НАВЕКИ...

...И точно, такую панораму вряд ли где ещё удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от тёплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки; солнце чуть показалось из-за тёмно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» — закричал он ямщикам.

(Из романа „Герой нашего времени“)

А. С. Пушкин

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

(Из романа „Евгений Онегин“)

И. А. Бунин

НЕ УЗНАЮ ЛЕСА

...Утро. Выглядываю в кусочек окна, не запушённый морозом, и не узнаю леса. Какое великолепие и спокойствие!

Над глубокими свежими снегами, завалившими чащи елей, — синее, огромное и удивительно нежное небо. Такие яркие, радостные краски бывают у нас только по утрам в афанасьевские морозы. И особенно хороши они сегодня, над свежим снегом и зелёным бором. Солнце ещё за лесом, просека в голубой тени. В колеях санного следа, смелым и чётким полукругом прорезанного от дороги к дому, тень совершенно синяя. А на вершинах сосен, на их пышных зелёных венцах, уже играет золотистый солнечный свет...

(Из рассказа „Сосны“)

De 46

Н. А. Некрасов

УХ, ЖАРКО!

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая; спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
— Домой, ребятишки! обедать пора. —
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!

.

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернёхоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, заковав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

(Из поэмы „Крестьянские дети“)

А. Н. Толстой

В ЗАРОСШЕЙ, ГУСТОЙ МАЛИНЕ

... Заберёшься, бывало, в яблочный сад, в самую середину высокой заросшей, густой малины. Над головой — яркое горячее небо, кругом — бледно-зелёная колючая зелень кустов малины, перемешанных с сорною заростью. Тёмно-зелёная крапива с тонкой цветущей макушкой стройно тянется вверх; разлапистый репейник с неестественно лиловыми колючими цветками грубо растёт выше малины и выше головы и кое-где вместе с крапивою достаёт даже до развесистых бледно-зелёных ветвей старых яблонь, на которых наверху, в упор жаркому солнцу, зреют глянцевиные, как косточки, круглые, ещё сырые яблоки. Внизу молодой куст малины, почти сухой, без листьев, искривившись, тянется к солнцу; зелёная игловатая трава и молодой лопух, пробившись сквозь прошлогодний лист, увлажнённые росой, сочно зеленеют в вечной тени, как будто и не знают о том, как на листьях яблони ярко играет солнце.

В чаще этой всегда сыро, пахнет густой постоянной тенью, паутиной, падалью-яблоком, которое, чернея, уже валяется на прелой земле, малиной, иногда и лесным клопом, которого проглотить нечаянно с ягодой и поскорее заешь другою. Подвигаясь вперёд, спугиваешь воробьёв, которые всегда живут в этой глуши, слышишь их торопливое чириканье и удары о ветки их маленьких быстрых крыльев, слышишь жужжание на одном месте жировой пчелы и где-нибудь по дорожке шаги садовника...

(Из трилогии ..Детство. Отрочество. Юность..)

И. А. Бунин

ДЕТСТВО

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок — как шёлк... Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол — гигант, тяжёлый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

И. С. Тургенев

ОСИНА

...Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с её бледно-лиловым стволом и серо-зелёной металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье её круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам. Она бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходится в упор рдеющим лучам заходящего солнца и блестит и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым жёлтым багрянцем, — или, когда, в ясный ветреный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист её, подхваченный стремлением, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль. Но вообще я не люблю этого дерева и потому, не остановясь в осиновой роще для отдыха, добрался до берёзового леса, угнездился под одним деревцем, у которого сучья начинались низко над землёй и, следовательно, могли защитить меня от дождя, и, любовавшись окрестным видом, заснул тем безмятежным и кротким сном, который знаком одним охотникам.

(Из рассказа „Свидание“)

А. Н. Майков

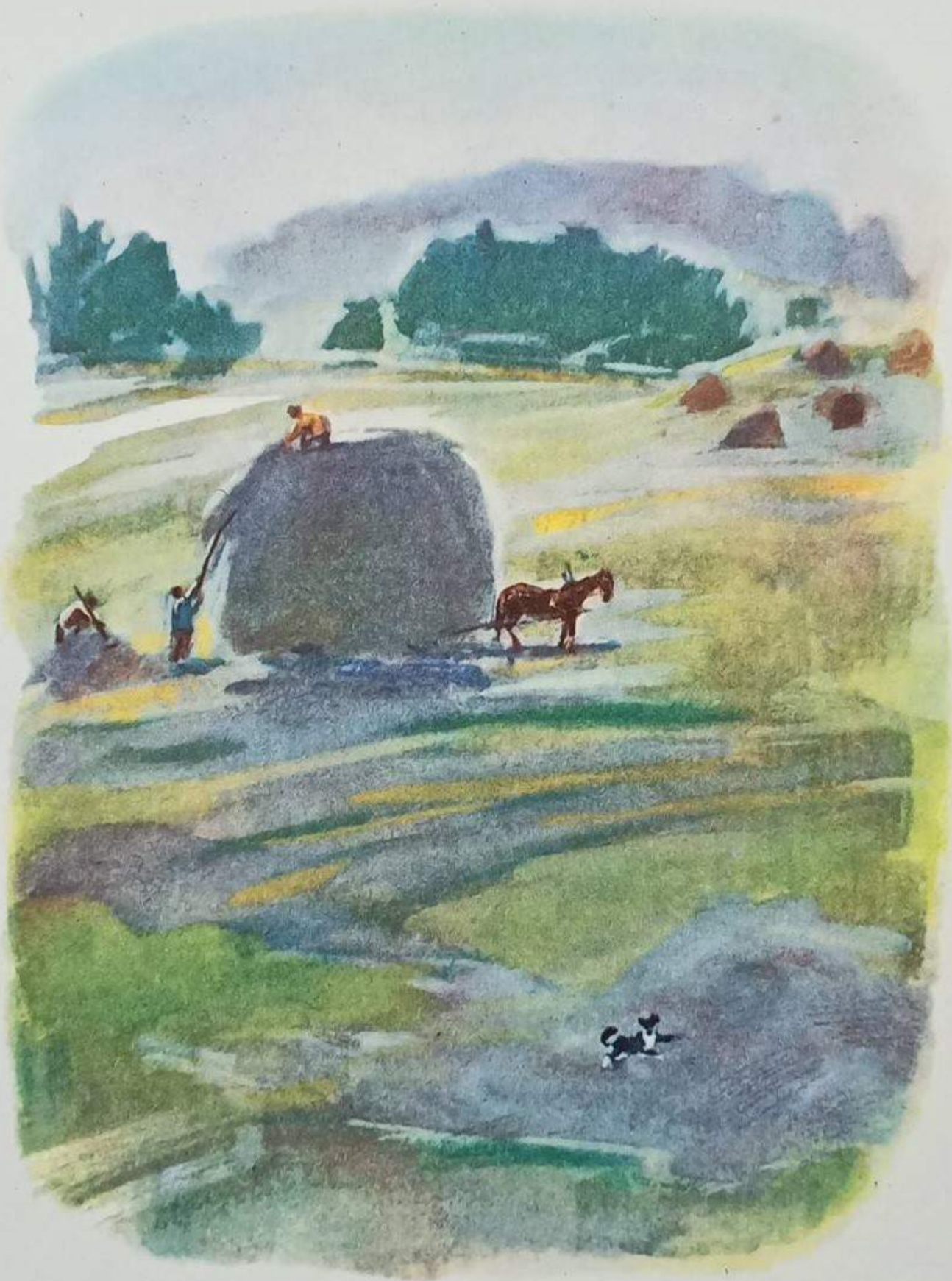
СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растёт, растёт, как дом...

В ожиданьи конь убогий
Точно вкопанный стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

Н. В. Гоголь

ЧУДЕН ДНЕПР ПРИ ТИХОЙ ПОГОДЕ

... Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идёт или не идёт его величаяя ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьётся по зелёному миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод

и прибрежным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! ему нет равной реки в мире...

(Из рассказа „Страшная месть“)

ИНТЕРЕСНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

... Около оголившихся корней того дуба, под которым я сидел, по серой, сухой земле, между сухими дубовыми листьями, желудями, пересохшими, обомшальными хворостинками, жёлто-зелёным мхом и изредка пробивавшимися тонкими зелёными травками кишмя кишели муравьи. Они один за другим торопились по пробитым ими торным дорожкам: некоторые с тяжестями, другие порожняком. Я взял в руку хворостину и загородил ею дорогу. Надо было видеть, как одни, презирая опасность, подлезали под неё, другие перелезали через, а некоторые, особенно те, которые были с тяжестями, совершенно терялись и не знали, что делать: останавливались, искали обхода, или ворочались назад, или по хворостинке добирались до моей руки и, кажется, намеревались забраться под рукав моей курточки. От этих интересных наблюдений я был отвлечён бабочкой, с жёлтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мной. Как только я обратил на неё внимание, она отлетела от меня шага на два, повилась над почти увядшим белым цветком дикого клевера и села на него. Не знаю, солнышко ли её пригрело, или она брала сок из этой травки,—только видно было, что ей очень хорошо. Она изредка взмахивала крылышками и прижималась к цветку, наконец совсем замерла. Я положил голову на обе руки и с удовольствием смотрел на неё...

(Из трилогии „Детство. Отрочество. Юность.“)

И. А. Бунин

САД РАЗНООБРАЗНО ОДЕВАЛСЯ

Сад разнообразно одевался.

Огромный старый клён, возвышавшийся над всей южной частью сада, видный отовсюду, стал ещё больше и виднее, — оделся свежей, густой зеленью.

Выше и виднее стала и главная аллея, на которую Митя постоянно смотрел из своих окон: вершины её старых лип, тоже покрывшиеся, хотя ещё прозрачно, узором юной листвы, поднялись и протянулись над садом светло-зелёной грядой.

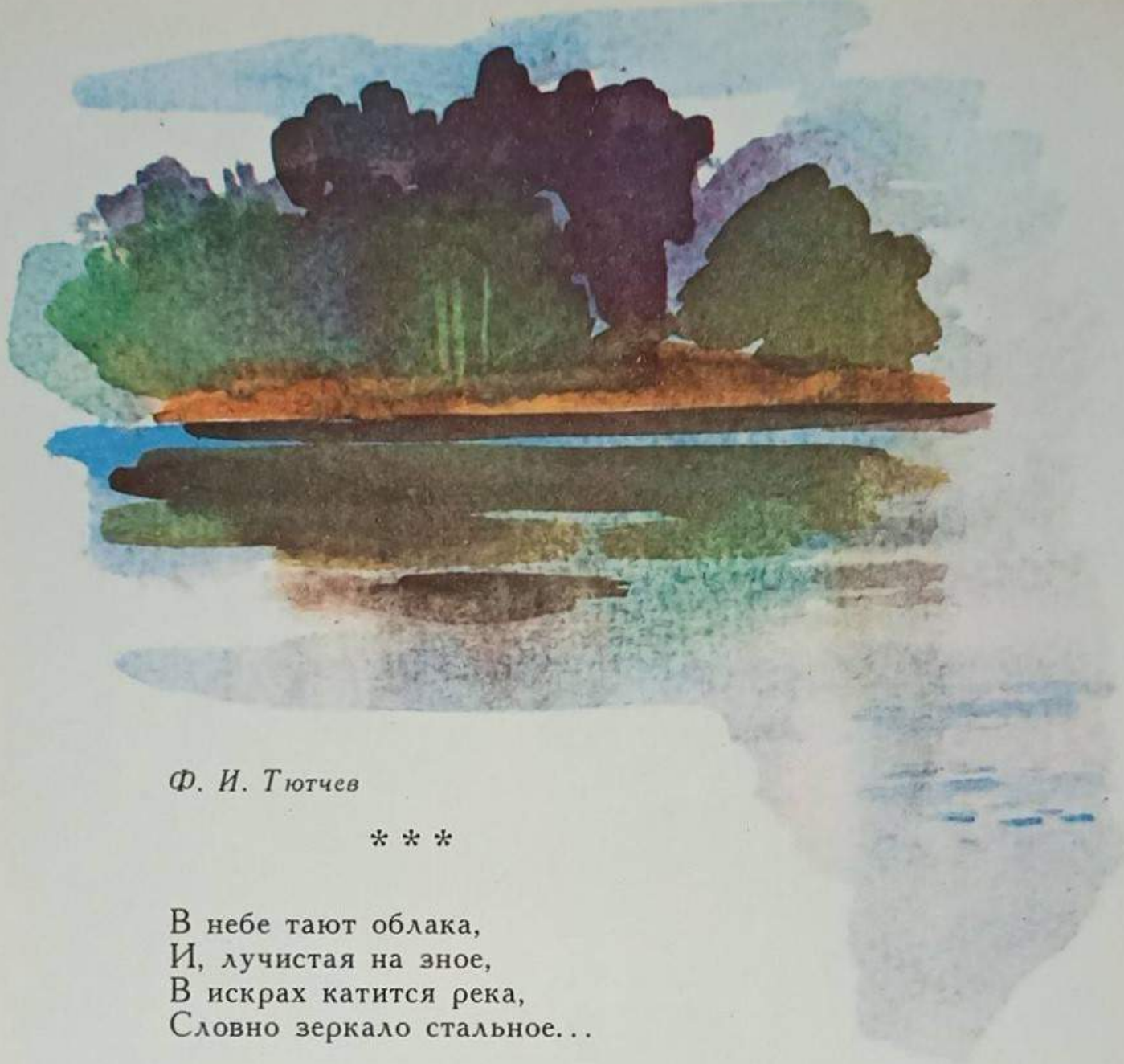

А ниже клёна, ниже аллеи лежало нечто сплошное кудрявого благоуханного сливочного цвета.

И всё это: огромная и пышная вершина клёна, светло-зелёная гряда аллеи, подвенечная белизна яблонь, груш, черёмух, солнца, синева неба и всё то, что разрасталось в низах сада, в ложине, вдоль боковых аллей и дорожек и под фундаментом южной стены дома, — кусты сирени, акации и смородины, лопухи, крапива, чернобыльник, — всё поражало своей густотой, свежестью и новизной.

(Из рассказа „Митина любовь“)

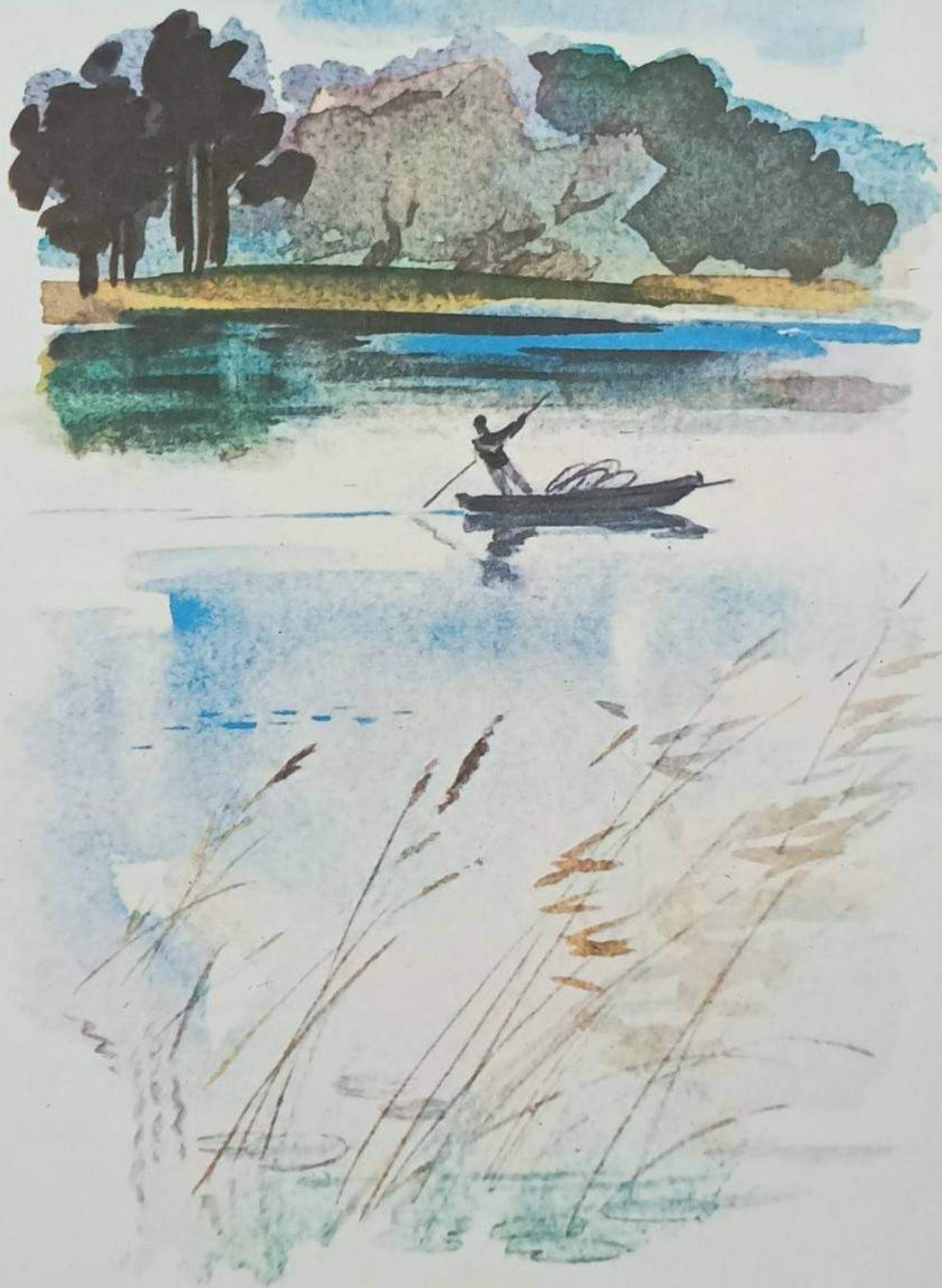
Ф. И. Тютчев

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немym дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

А. В. Кольцов

* * *

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

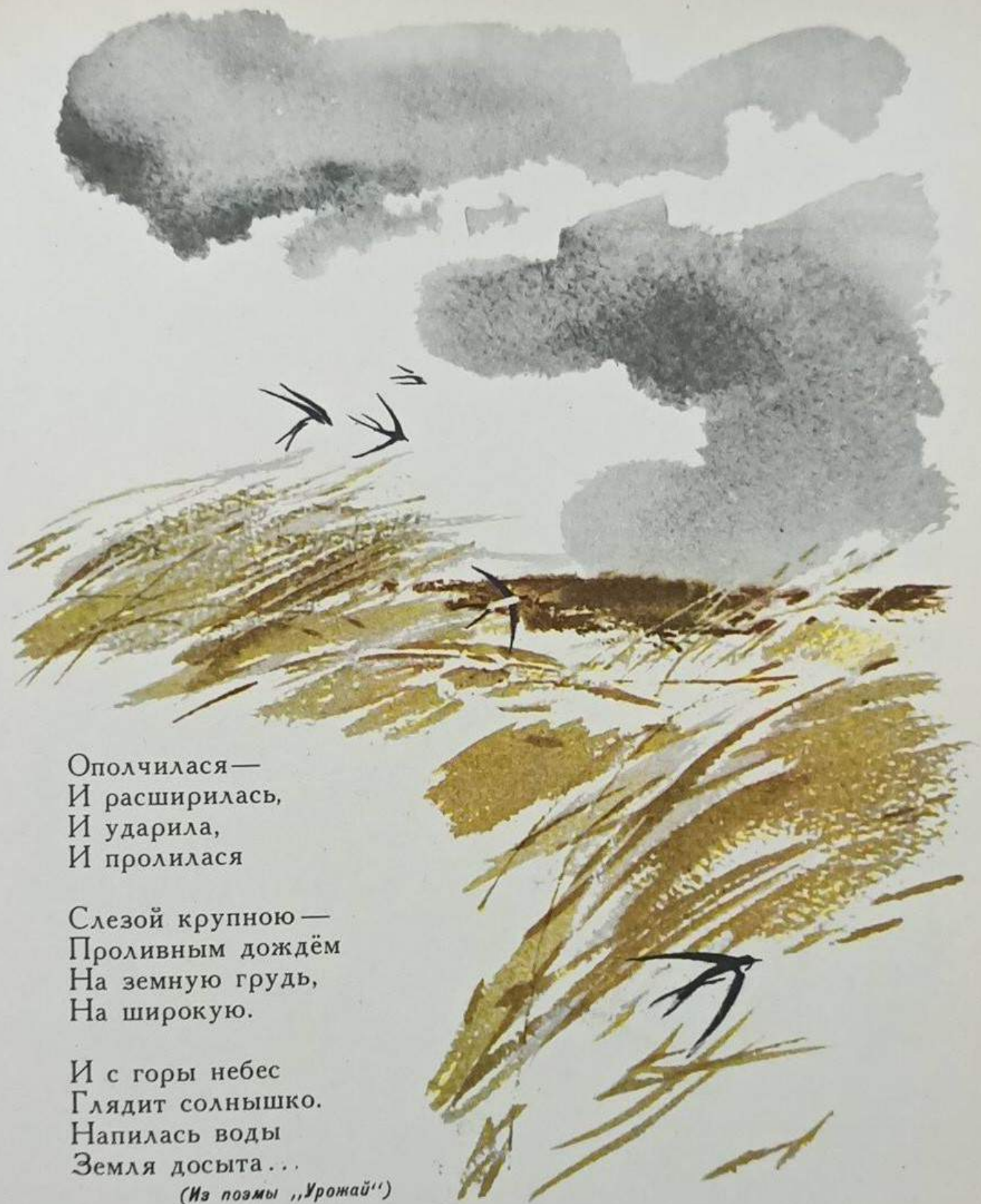
Разгорелся день
Огнём солнечным.
Подобрал туман
Выше темя гор;

Нагустил его
В тучу чёрную,
Туча чёрная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут её
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Громом, бурей,
Огнём, молнией,
Дугой-радугой;

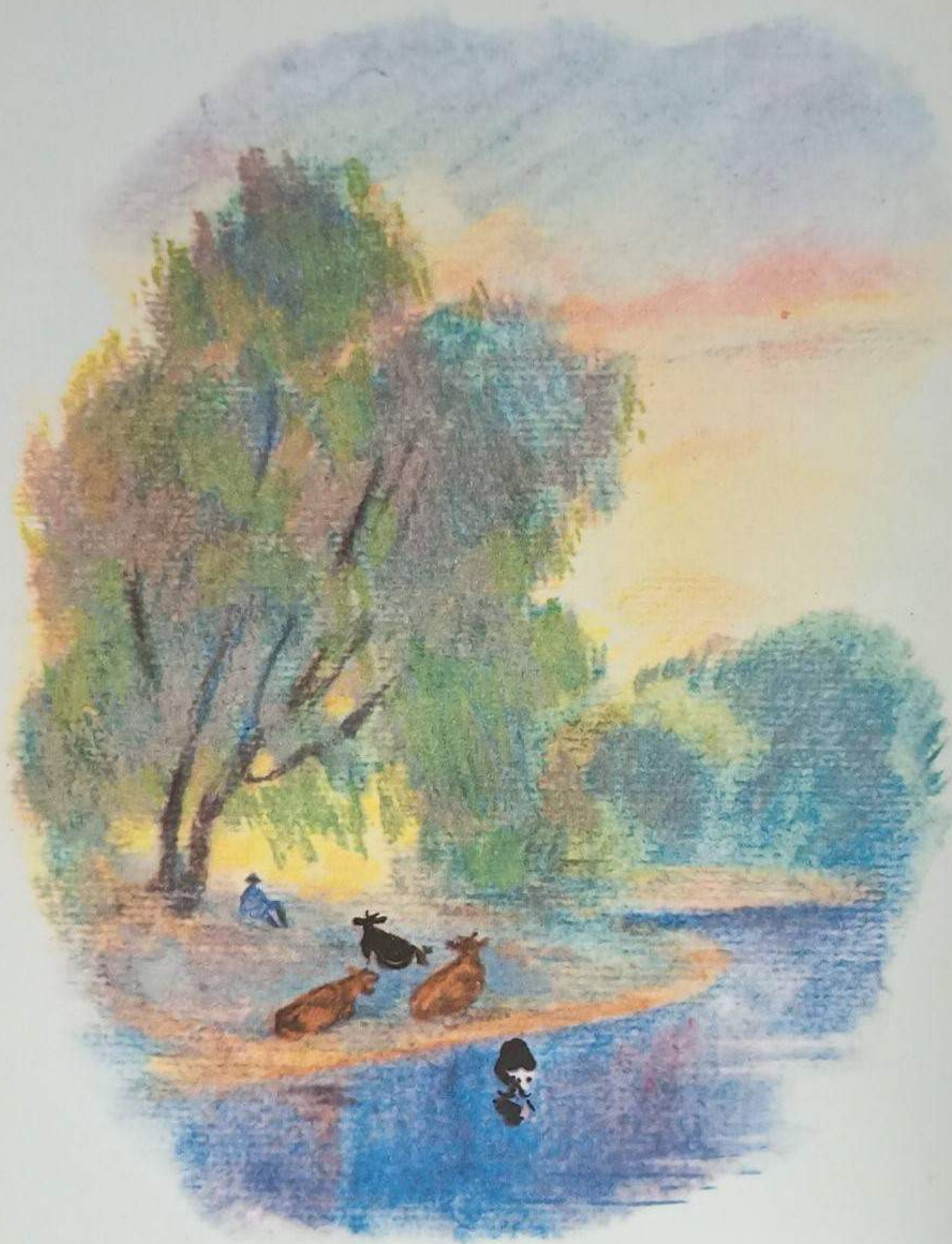

Ополчилась —
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупной —
Проливным дождём
На земную грудь,
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко.
Напилась воды
Земля досыта...

(Из поэмы „Урожай“)

Н. В. Гоголь

ПОЛДЕНЬ БЛЕЩЕТ В ТИШИНЕ И ЗНОЕ

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! ¹ Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное...

...Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие тёмную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешни, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зелёных, гордо поднятых рамах...

(Из повести „Сорочинская ярмарка“)

¹ Малороссия — так называлась Украина до Великой Октябрьской социалистической революции.

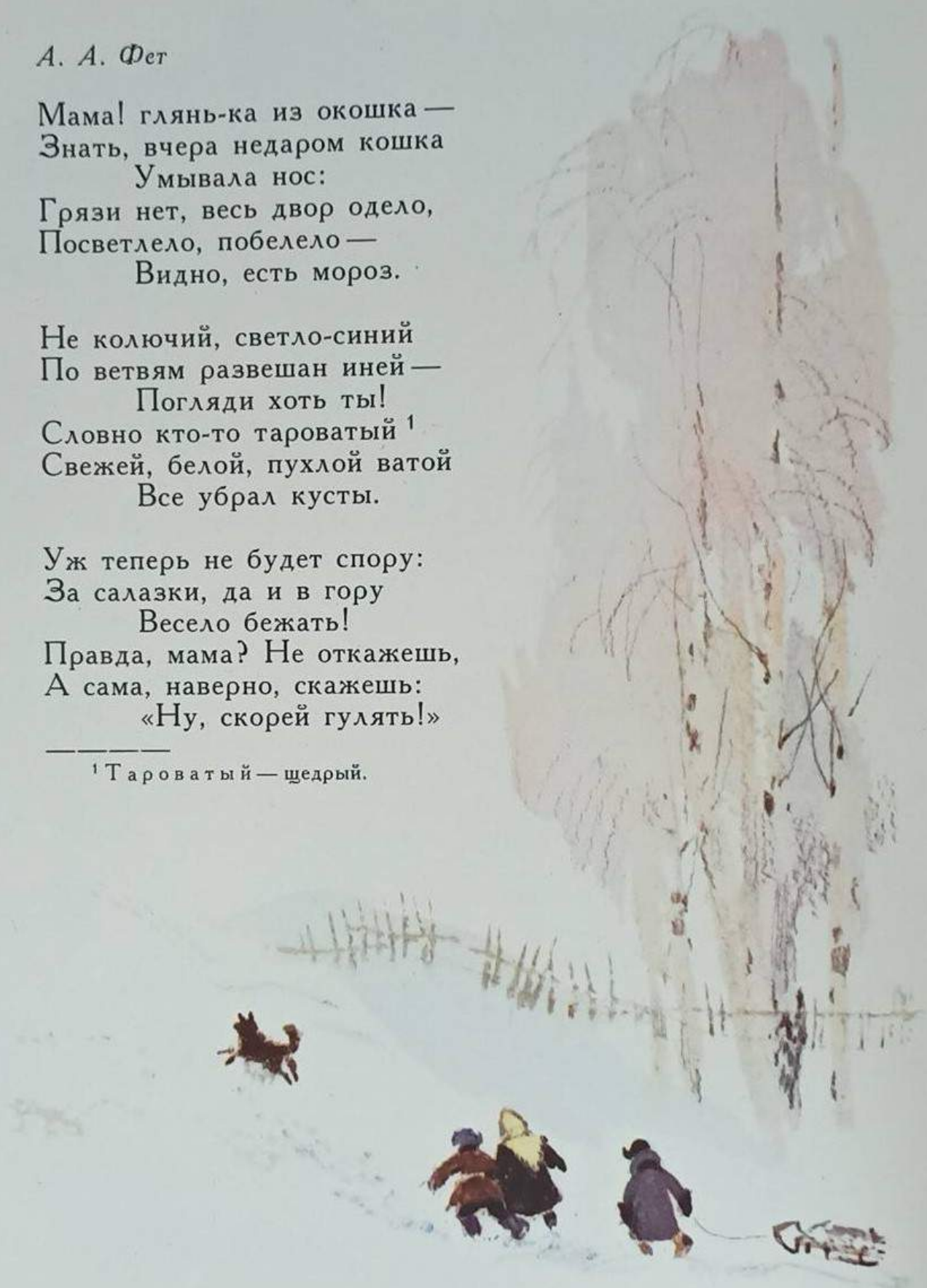
А. А. Фет

Мама! глянь-ка из окошка —
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тароватый¹
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

¹ Тароватый — щедрый.

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей,
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шёлковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озёра... Ночью тёмной
Мы миновали луг поёмный,
И вот уж едем целый день
Между зелёными стенами
Густых берёз. Люблю их тень
И путь, усыпанный листьями!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!

(Из стихотворения „Тишина“)

Berep

СОЛНЦЕ УЖЕ ПРЯТАЛОСЬ

... Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрёл в какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошёл по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до духоты пахло хвоем. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально шелестела под ногами, и в сумерках между деревьями прятались тени. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя, слабым голосом пела иволга, должно быть, тоже старушка. Но вот и липы кончились; я прошёл мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зелёных ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце. На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве...

(Из рассказа „Дом с мезонином“)

А. А. Фет

ВЕЧЕР У ВЗМОРЬЯ

Засверкал огонь зарницы,
На гнезде умолкли птицы,
Тишина леса объемлет,
Не качаясь, колос дремлет;
День бледнеет понемногу,
Вышла жаба на дорогу.

Ночь светлеет и светлеет,
Под луною море млеет;
Различишь прилежным взглядом,
Как две чайки, сидя рядом,
Там, на взморье плоскодонном,
Спят на камне озарённом.

Л. Н. Толстой

ВСПЫХИВАЕТ МОЛНИЯ

До ближайшей деревни оставалось ещё вёрст десять, а большая тёмно-лиловая туча, взявшаяся бог знает откуда, без малейшего ветра, но быстро подвигалась к нам. Солнце, ещё не скрытое облаками, ярко освещает её мрачную фигуру и серые полосы, которые от неё идут до самого горизонта. Изредка вдалеке вспыхивает молния, и слышится слабый гул, постепенно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь небосклон. Василий приподнимается с козел и поднимает верх брички; кучера надевают армяки и при каждом ударе грома снимают шапки и крестятся; лошади настораживают уши, раздувают ноздри, как будто принюхиваясь к свежему воздуху, которым пахнет от приближающейся тучи, и бричка скорее катит по пыльной дороге. Мне становится жутко, и я чувствую, как кровь быстрее обращается в моих жилах. Но вот передовые облака уже начинают закрывать солнце; вот оно выглянуло в последний раз, осветило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдруг изменяется и принимает мрачный характер. Вот задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бело-мутного цвета, ярко выдающегося на лиловом фоне тучи, шумят и вертятся; макушки больших берёз начинают раскачиваться,

и пучки сухой травы летят через дорогу. Стрижи и белогрудые ласточки, как будто с намерением остановить нас, реют вокруг брички и пролетают под самой грудью лошадей; галки с растрёпанными крыльями как-то боком летают по ветру; края кожаного фартука, которым мы застегнулись, начинают подниматься, пропускать к нам порывы влажного ветра и, размахиваясь, биться о кузов брички. Молния вспыхивает как будто в самой бричке, ослепляет зрение и на одно мгновение освещает серое сукно, басон¹ и прижавшуюся к углу фигуру Володи...

...Но вот дождь становится мельче; туча начинает разделяться на волнистые облака, светлеть в том месте, в котором должно быть солнце, и сквозь серовато-белые края тучи чуть виднеется клочок ясной лазури. Через минуту робкий луч солнца уже блестит в лужах дороги, на полосах падающего, как сквозь сито, мелкого, прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Чёрная туча так же грозно застилает противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь её. Я испытываю невыразимо-отрадное чувство надежды в жизни, быстро заменяющее во мне тяжёлое чувство страха. Душа моя улыбается так же, как и освежённая, повеселевшая природа. Василий откидывает воротник шинели, снимает фуражку и отряхивает её; Володя откидывает фартук; я высываюсь из брички и жадно впиваю в себя освежённый,

¹ Басон — плетёное изделие, идущее на украшение одежды, мебели.

душистый воздух. Блестящий, обмытый кузов кареты с важами¹ и чемоданами покачивается перед нами, спины лошадей, шлеи, вожжи, шины колёс — всё мокро и блестит на солнце, как покрытое лаком. С одной стороны дороги — необозримое озимое поле, кое-где перерезанное неглубокими овражками, блестит мокрой землёю и зеленью и расстилается тенистым ковром до самого горизонта; с другой стороны — осиновая роща, поросшая ореховым и черёмушным подседом², как бы в избытке счастья стоит, не шелохнётся и медленно роняет с своих обмытых ветвей светлые капли дождя на сухие прошлогодние листья. Со всех сторон вьются с весёлой песнью и быстро падают хохлатые жаворонки; в мокрых кустах слышно хлопотливое движение маленьких птичек, и из середины рощи ясно долетают звуки кукушки. Так обаятелен этот чудный запах леса, после весенней грозы, запах берёзы, фиалки, прелого листа, сморчков, черёмухи, что я не могу усидеть в бричке, соскакиваю с подножки, бегу к кустам и, несмотря на то, что меня осыпает дождевыми каплями, рву мокрые ветки распутившейся черёмухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом. Не обращая даже внимания на то, что к сапогам моим липнут огромные комки грязи, и чулки мои давно уже мокры, я, шлёпая по грязи, бегу к окну кареты.

— Любочка! Катенька! — кричу я, подавая туда несколько веточек черёмухи: — посмотри, как хорошо!

Девочки пищат, ахают; Мими кричит, чтобы я ушёл, а то меня непременно раздавят.

— Да ты понюхай, как пахнет! — кричу я.

(Из трилогии „Детство. Отрочество. Юность.“)

¹ В а́ ж и — большие чемоданы, прикреплявшиеся к крыше возка или кареты.

² П о д с е д — молодые деревья или кустарник, выросшие в лесу, состоявшем из деревьев другой породы.

Е. А. Баратынский

* * *

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушуя, воеет
И небо кроет
Седую мглой.

МНЕ НЕ ХОТЕЛОСЬ СПАТЬ

...Ночевать мы должны были в татарской деревне, но вечер был так хорош, что матери моей захотелось остановиться в поле; итак, у самой околицы своротили мы немного в сторону и расположились на крутом берегу маленькой речки. Ночёвки в поле никто не ожидал. Отец думал, что мать побоится ночной сырости; но место было необыкновенно сухо, никаких болот, и даже лесу не находилось поблизости, потому что начиналась уже башкирская степь; даже влажности ночного воздуха не было слышно. Для меня опять готовилось новое зрелище; отложили лошадей, хотели спутать и пустить в поле, но как степные травы погорели от солнца и завяли, то послали в деревню за свежим сеном и овсом и за всякими съестными припасами. Люди принялись разводить огонь; один принёс сухую жердь от околицы, изрубил её на поленья, настрогал стружек и наколол лучины для подтопки, другой притащил целый ворох хворосту с речки, а третий, именно повар Макей, достал кремень и огниво, вырубил огня на большой кусок труту, завернул его в сухую куделю (её возили нарочно с собой для таких случаев), взял в руку и начал проворно махать взад и вперёд, вниз и вверх и махал до тех пор, пока куделя вспыхнула; тогда подложили огонь под готовый костёр дров со стружками и лучиной — и пламя запылало. Стали накладывать дорожный самовар; на разостланном ковре и на подушках лежала мать и готовилась наливать чай; она чувствовала себя бодрее. Я попросил позволения развести маленький огонёк возле того места, где мы сидели, и когда получил позволение, то, не помня себя от радости, принялся хлопотать об этом с помощью Ефрема, который в дороге вдруг сделался моим как будто дядькой. Разведение огня доставило мне такое удовольствие, что я и пересказать не могу; я беспрестанно бегал от большого костра к ма-

ленькому, приносил щепочек, прутьев и сухого бастыль-нику¹ для поддержания яркого пламени, и так суетился, что мать принуждена была посадить меня насильно подле себя. Мы напились чаю и поели супу из курицы, который сварил нам повар. Мать расположилась ночевать с детьми в карете, а отец — в кибитке. Мать скоро легла и положила с собою мою сестрицу, которая давно уже спала на руках у няньки; но мне не хотелось спать, и я остался посидеть с отцом и поговорить о завтрашней кормёжке, которую я ожидал с радостным нетерпением; но посреди разговоров мы оба как-то задумались и долго просидели, не говоря ни одного слова. Небо сверкало звёздами, воздух был наполнен благовонием от засыхающих степных трав, речка журчала в овраге, костёр пылал и ярко освещал наших людей, которые сидели около котла с горячей кашцей, хлебали её и весело разговаривали между собою; лошади, припущенные к овсу, также были освещены с одной стороны полосой света...

(Из хроники „Детские годы Багрова-внука“)

¹ Бастыльник — сорная трава, бурьян.

И. А. Бунин

* * *

Густой зелёный ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шёл олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.

Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь ёлку гнул и белым зубом скрёб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.

Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...

О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной,
Он красоту от смерти уносил!

И. С. Тургенев

ВСЕ ПТИЦЫ СПЯТ

Солнце село, но в лесу ещё светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит весёлым блеском изумруда... вы ждёте. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается всё выше и выше, переходит от нижних, почти ещё голых, веток к неподвижным, засыпающим верхушкам... Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синее. Лесной запах усиливается, слегка повеяло тёплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает. Птицы засыпают — не все вдруг — по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки. В лесу всё темней да темней. Деревья сливаются в большие, чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звёздочки. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятлы одни ещё сонливо посвистывают... Вот и они умолкли. Ещё раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щёлкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданием...

(Из рассказа „Ермолай и мельничиха“)

И. А. Бунин

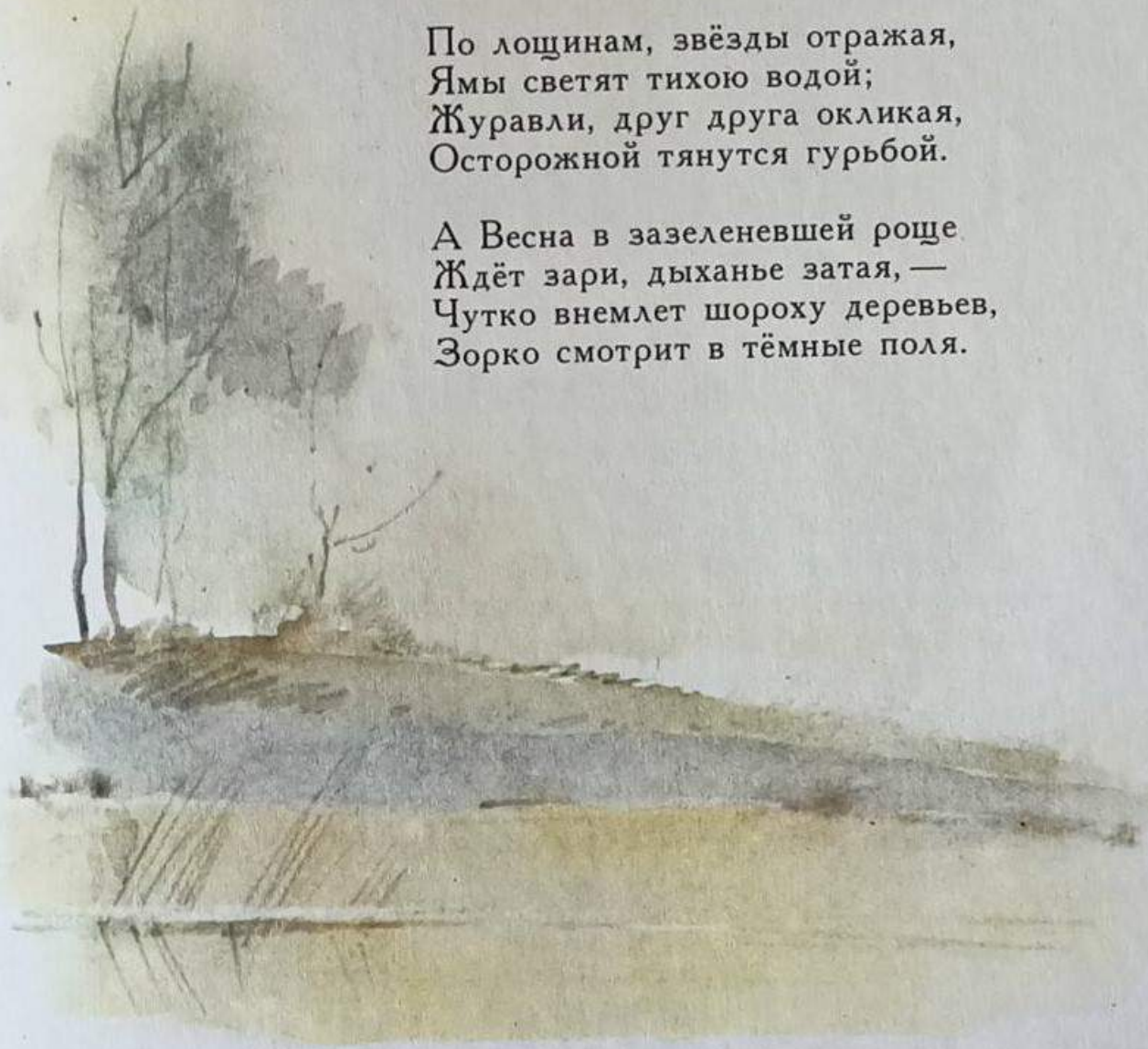
ДОГОРЕЛ АПРЕЛЬСКИЙ СВЕТЛЫЙ ВЕЧЕР

Догорел апрельский светлый вечер,
По утрам холодный сумрак лёг.
Спят грачи; далёкий шум потока
В темноте таинственно заглох.

Но свежее пахнет зеленью
Молодой озябший чернозём,
И струится чище над полями
Звёздный свет в молчании ночном.

По лощинам, звёзды отражая,
Ямы светят тихою водой;
Журавли, друг друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна в зазеленевшей роще
Ждёт зари, дыханье затая, —
Чутко внемлет шороху деревьев,
Зорко смотрит в тёмные поля.

И. А. Бунин

БОЛЬШАЯ ГОЛОВАСТАЯ СОВА

В лесу стояли северные сумерки. А лес, молчаливый, тёмный, тянулся на много вёрст вокруг. И весь этот лесной край был погружён теперь в грустное и спокойное ожидание ночи. Зыбкий полусвет таял, задрёмывал. Мелкое болотистое озеро, по берегу которого мы пробирались, ещё белело меж деревьев. Но и оно было тускло и печально, как в лесу. Надвинулись тучи, сливаясь с темнотою леса. И всё цепенел тёплый сонный воздух, напоённый пряным ароматом болотных трав и хвои. Светляки золотистыми изумрудами тлели под кустами, задрё-

мывающими под таинственный шёпот кузнечиков... Чтобы сократить путь, мы повернули от озера в длинный и широкий коридор вековых сосен. И, уже с трудом различая дорогу, пошли по глубокому песку к поляне, как вдруг что-то зашуршало в сухой перепутанной хвое и оттуда колом вынырнула большая головастая сова. Она метнулась на нас — я даже успел разглядеть её серые штанишки — и взвилась на своих широких круглых крыльях...

...Сова, беззвучно описав дугу, снова пала вниз и плавно потонула в чаще ветвей, во мраке.

(Из рассказа „Маленький роман“)

А. Н. Майков

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожку лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеёю
Идёшь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зелёный;
Уже румянит осень клёны,
А ельник зелен и тенист;
Осинник жёлтый бьёт тревогу;
Осыпался с берёзы лист
И, как ковёр, устлал дорогу...
Идёшь, как будто по водам —
Нога шумит... а ухо внимлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колёса
Уже шумят издалика...
Вот на дорогу выезжает
Тяжёлый воз — то промелькнёт
На солнце вдруг, то в тень уйдёт...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Весёлый лай идёт кругом.

И. А. Бунин

ПОДСНЕЖНИКИ

Ясный апрельский закат, ещё не набитый серый просёлок, весенняя нагота полей, впереди ещё голый зеленоватый лес. А возле леса, на жнивье под опушкой, ещё тянется длинный островок нечистого и затвердевшего снега. И ярко-голубые подснежники, — самый прелестный, самый милый в мире цветок, — пробиваются из коричневой, внизу гниющей, влажной, а сверху сухой листвы, густо покрывающей опушку. Листва шумно шуршит под копытами, когда я въезжаю в лес, и нет ничего радостнее этого напоминания о прошлой осени в соединении с чувством весны.

(Из рассказа „Сосед“)

Harb

И. З. Суриков

В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далёком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздаётся:
То табун коней в ночное
По лугам несётся.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собрались дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелохнет
Лес густым навесом.

Всё темней, темней и тише...
Смолкли к ночи птицы;
Только на небе сверкают
Дальние зарницы.

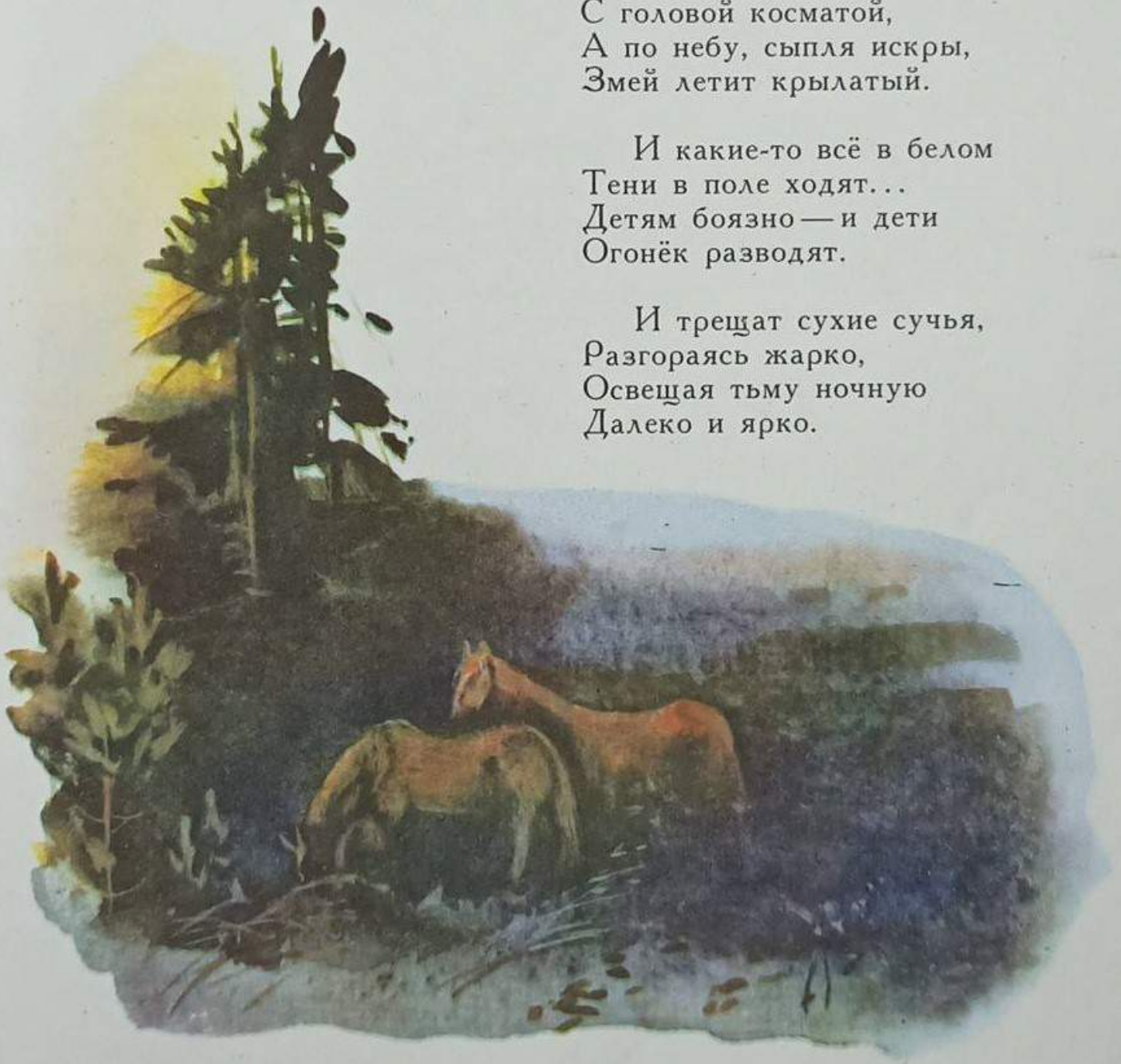
Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст — и снова
Всё смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несётся ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый.

И какие-то всё в белом
Тени в поле ходят...
Детям боязно — и дети
Огонёк разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

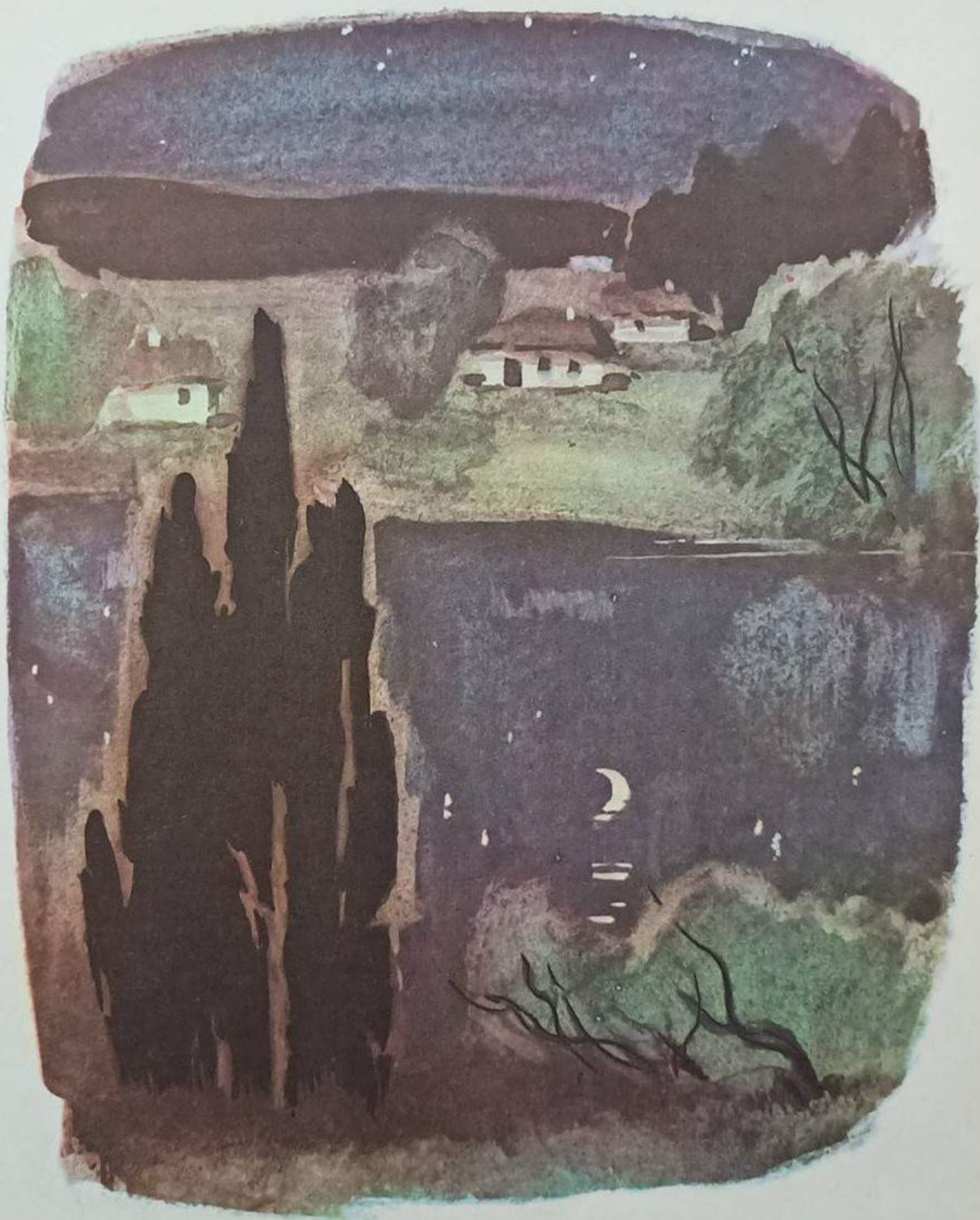

Н. В. Гоголь

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ НОЧЬ

...Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в неё. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладнодушен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Неподвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключён в тёмно-зелёные стены садов. Девственные чащи черёмух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветренник — ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А вверху всё дышит, всё дивно, всё торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в её глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг всё ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что месяц заслушался его посреди неба... Как очарованное, дремлет на возвышении село. Ещё белее, ещё лучше блестят при месяце толпы хат; ещё ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены. Песни умолкли. Всё тихо...

(Из повести „Майская ночь, или Утопленница“)

А. С. Пушкин

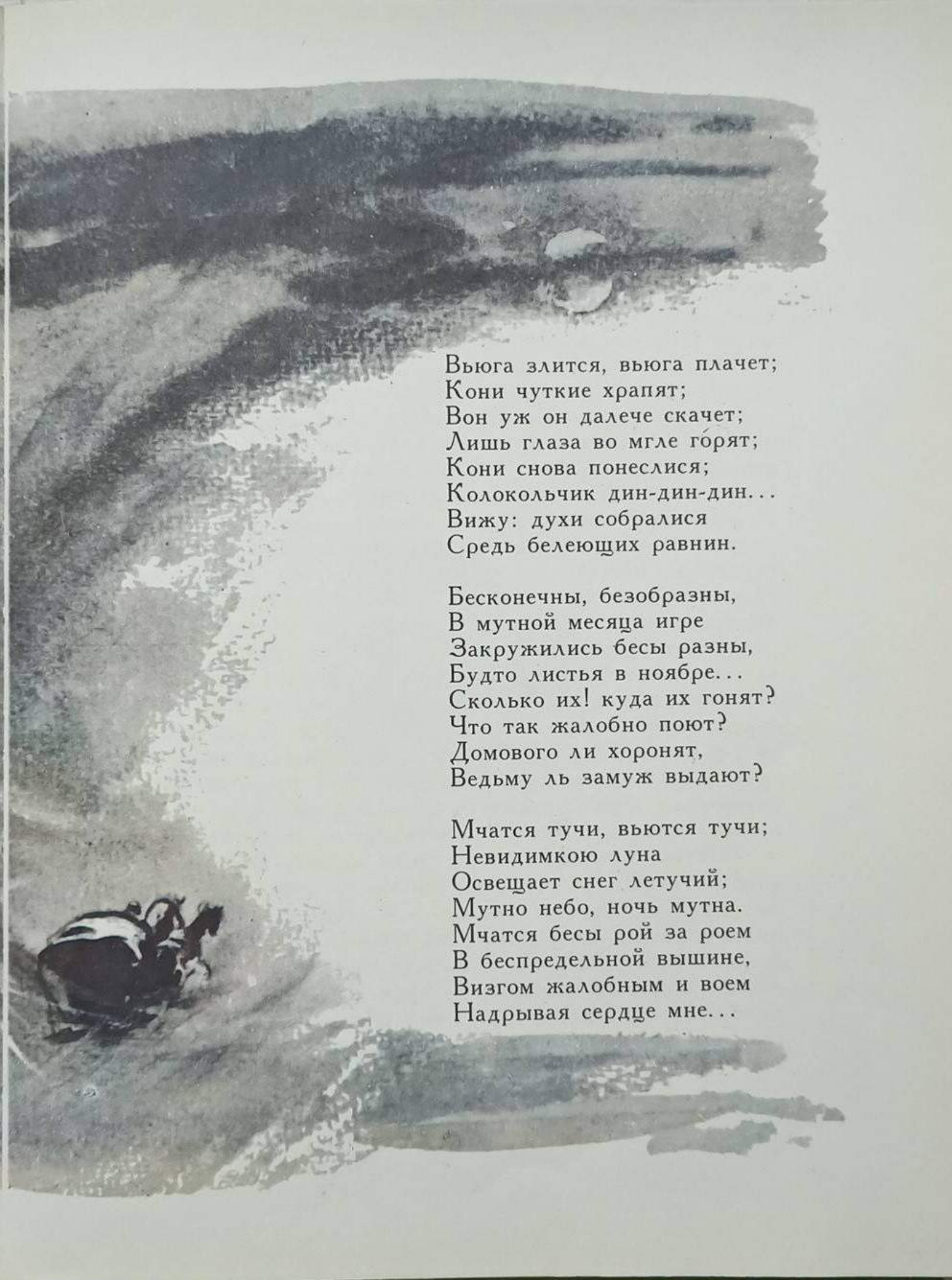
БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошёл, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... — «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

МЕТЕЛЬ

...Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу: небо слилось с землёю; Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал ещё до Жадринской рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился; начал думать, припоминать, соображать, и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их поднимал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрино было не видать; роши не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрино было не видать. Должно быть было около полуночи. Слёзы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней...

(Из повести „Метель“)

М. Ю. Лермонтов .

ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Л. Н. Толстой

В ВОЛШЕБНОМ ЦАРСТВЕ

Петя должен был знать, что он в лесу, в партии Денисова, в версте от дороги, что он сидит на фуре, отбитой у французов, около которой привязаны лошади, что под ним сидит казак Лихачёв и натачивает ему саблю, что большое чёрное пятно направо — караулка, и красное яркое пятно внизу налево — догоравший костёр, что человек, приходивший за чашкой, — гусар, который хотел пить; но он ничего не знал и не хотел знать этого. Он был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность. Большое чёрное пятно, может быть, точно была караулка, а может быть, была пещера, которая вела в самую глубь земли. Красное пятно, может быть, был огонь, а может быть, — глаз огромного чудовища. Может быть, он точно сидит теперь на фуре, а очень может быть, что он сидит не на фуре, а на страшно высокой

башне, с которой ежели упасть, то лететь бы до земли целый день, целый месяц — всё лететь и никогда не долетишь. Может быть, что под фурой сидит просто казак Лихачёв, а очень может быть, что это — самый добрый, храбрый, самый чудесный, самый превосходный человек на свете, которого никто не знает. Может быть, это точно проходил гусар за водой и пошёл в лошину, а может быть, он только что исчез из виду и совсем исчез, и его не было.

Что бы ни увидал теперь Петя, ничто бы не удивило его. Он был в волшебном царстве, в котором всё было возможно.

Он поглядел на небо. И небо было такое же волшебное, как и земля. На небе расчищало, и над вершинами деревьев быстро бежали облака, как будто открывая звёзды. Иногда казалось, что на небе расчищало и показывалось чёрное, чистое небо. Иногда казалось, что эти чёрные пятна были тучки. Иногда казалось, что небо высоко, высоко поднимается над головой; иногда небо спускалось совсем, так что рукой можно было достать его.

Петя стал закрывать глаза и покачиваться.

Капли капали. Шёл тихий говор. Лошади заржали и подрались. Храпел кто-то.

— Ожиг, жиг, жиг, жиг... — свистела натачиваемая сабля. И вдруг Петя услышал стройный хор музыки, игравшей какой-то неизвестный, торжественно сладкий гимн. Петя был музыкален, так же как Наташа, и больше Николая, но он никогда не учился музыке, не думал о музыке, и потому мотивы, неожиданно пришедшие ему в голову, были для него особенно новы и привлекательны. Музыка играла всё слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой. Происходило то, что называется фугой, хотя Петя не имел ни малейшего понятия о том, что такое fuga. Каждый инструмент, то похожий на скрипку, то на трубы — но лучше, и чище, чем скрипки и трубы, — каждый инструмент играл своё и, не доиграв ещё мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвёртым, и все они

сливались в одно и опять разбегались, опять сливались то в торжественное церковное, то в ярко блестящее и победное.

«Ах, да, ведь это я во сне, — качнувшись вперёд, сказал себе Петя. — Это у меня в ушах. А может быть, это моя музыка. Ну, опять. Валяй, моя музыка! Ну!»

Он закрыл глаза. И с разных сторон, как будто издалека, затрепетали звуки, стали слаживаться, разбегаться, сливаться, и опять всё соединилось в тот же сладкий и торжественный гимн. «Ах, это прелесть что такое! Сколько хочу и как хочу», — сказал себе Петя. Он попробовал руководить этим огромным хором инструментов.

«Ну, тише, тише, замирайте теперь. — И звуки слушались его. — Ну, теперь полнее, веселее. Ещё, ещё радостнее. — И из неизвестной глубины поднимались усиливающиеся, торжественные звуки. — Ну, голоса, приставайте!» — приказал Петя. И сначала издалека слышались мужские, потом женские. Голоса росли, росли в равномерном торжественном усилии. Пете страшно и радостно было внимать их необычайной красоте.

С торжественным победным маршем сливалась песня, и капли капали, и вжиг, жиг, жиг... свистела сабля, и опять подрались и заржали лошади, не нарушая хора, а входя в него.

Петя не знал, как долго это продолжалось; он наслаждался, всё время удивлялся своему наслаждению и жалел, что некому сообщить его. Его разбудил ласковый голос Лихачёва.

— Готово, ваше благородие, надвое ханцуза распластаете.

Петя очнулся.

— Уж светает, право, светает! — воскликнул он.

(Из романа „Война и мир“)

А. А. Фет

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

А. И. Куприн

ЗАКАТ ДОГОРЕЛ

Долгий осенний закат догорел. Погасла последняя багровая, узенькая, как щель, полоска, рдевшая на самом краю горизонта, между сизой тучей и землёй. Уже не стало видно ни земли, ни деревьев, ни неба. Только над головой большие звёзды дрожали своими ресницами среди чёрной ночи, да голубой луч от маяка подымался прямо вверх тонким столбом и точно расплёскивался там о небесный купол жидким, туманным, светлым кругом. Ночные бабочки бились о стеклянные колпачки свечей. Звёздчатые цветы белого табака в палисаднике запахи острее из темноты и прохлады.

(Из рассказа „Гранатовый браслет“)

БЫЛО ДАЛЕКО ЗА ПОЛНОЧЬ

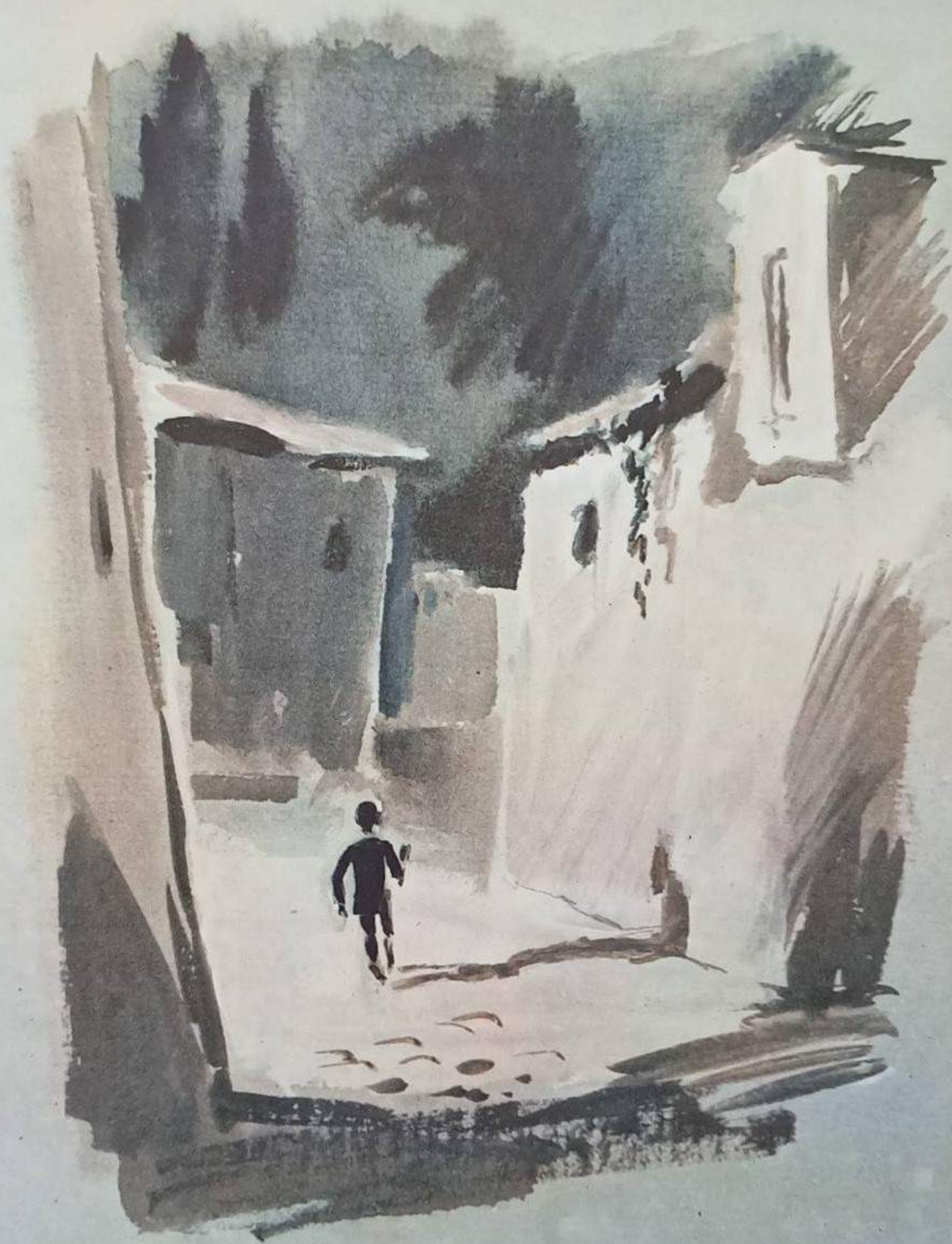
Было далеко за полночь, когда Сергей, лежавший на полу рядом с дедушкой, осторожно поднялся и стал бесшумно одеваться. Сквозь широкие окна лился в комнату бледный свет месяца, стелился косым, дрожащим переплётом по полу и, падая на спящих вповалку людей, придавал их лицам страдальческое и мёртвое выражение.

— Ты куда носью ходишь, малцук? — сонно окликнул Сергея у дверей хозяин кофейной, молодой турок Ибрагим.

— Пропусти. Надо! — сурово, деловым тоном ответил Сергей...

Зевая, почёсываясь и укоризненно причмокивая языком, Ибрагим отпер двери. Узкие улицы татарского базара были погружены в густую тёмно-синюю тень, которая покрывала зубчатым узором всю мостовую и касалась подножий домов другой, освещённой стороны, резко белевшей в лунном свете своими низкими стенами. На дальних окраинах местечка лаяли собаки. Откуда-то, с верхнего шоссе, доносился звонкий и drobный топот лошади, бежавшей иноходью.

Миновав белую с зелёным куполом, в виде луковицы, мечеть, окружённую молчаливой толпой тёмных кипарисов, мальчик спустился по тесному кривому переулку на большую дорогу. Для лёгкости Сергей не взял с собой верхней одежды, оставшись в одном трико. Месяц светил ему в спину, и тень мальчика бежала впереди его чёрным, странным, укороченным силуэтом. По обоим бокам шоссе притаился тёмный курчавый кустарник. Какая-то птичка кричала в нём однообразно, через ровные промежутки, тонким, нежным голосом: «Сплю!.. Сплю!..» И казалось, что она покорно сторожит в ночной тишине какую-то пе-

чальную тайну и бессильно борется со сном и усталостью, и тихо, без надежды, жалуется кому-то: «Сплю, сплю!..»

А над тёмными кустами и над синеватыми шапками дальних лесов возвышался, упираясь своими двумя зубцами в небо, Ай-Петри — такой лёгкий, резкий, воздушный, как будто он был вырезан из гигантского куска серебряного картона.

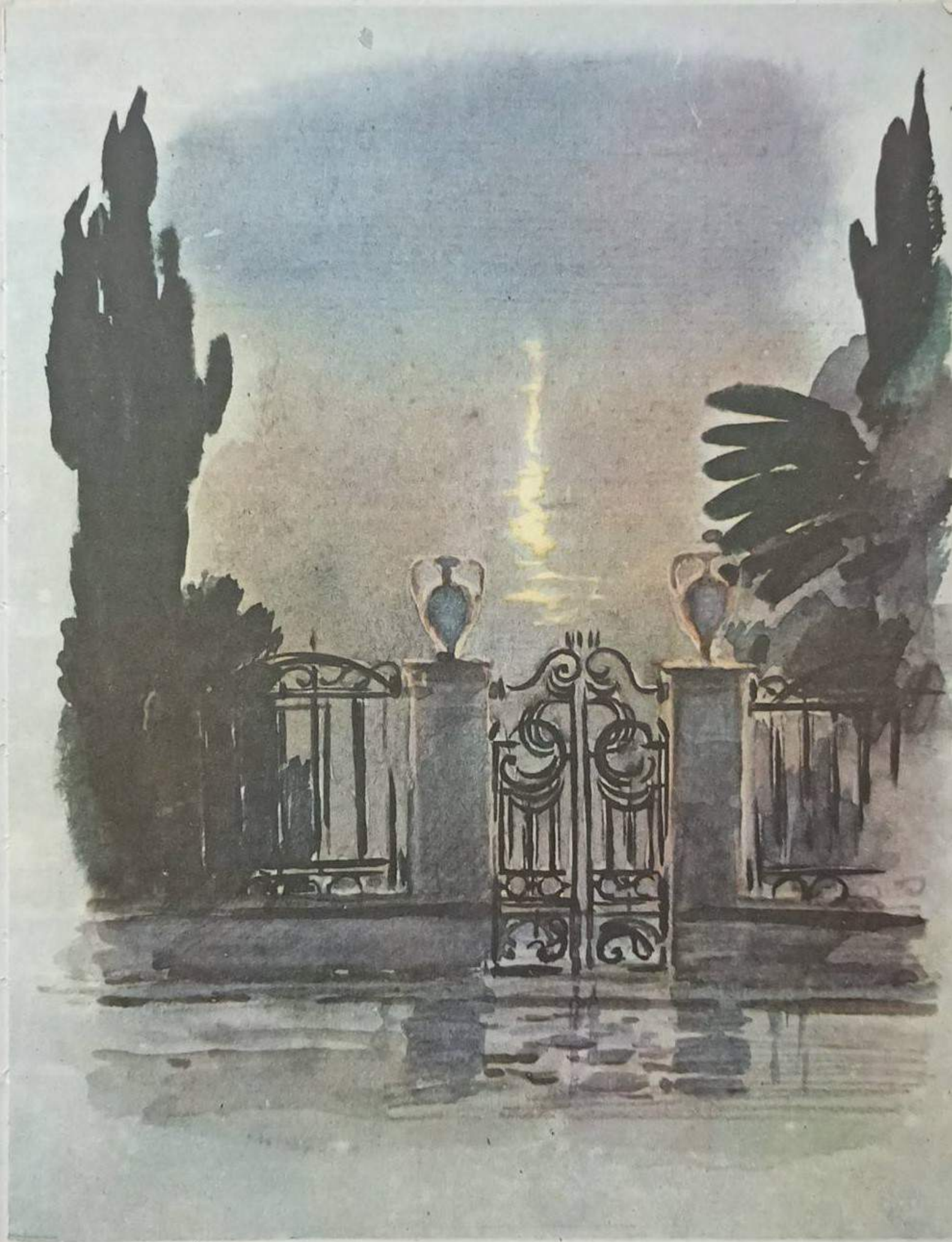
Сергею было немного жутко среди этого величавого безмолвия, в котором так отчётливо и дерзко раздавались его шаги, но в то же время в сердце его разливалась какая-то щекочущая, головокружительная отвага. На одном повороте вдруг открылось море. Огромное, спокойное, оно тихо и торжественно зыбилось. От горизонта к берегу тянулась узкая дрожащая серебряная дорожка; среди моря она пропадала — лишь кое-где изредка вспыхивали её блёстки — и вдруг у самой земли широко расплёскивалась живым, сверкающим металлом, опоясывая берег.

Беззвучно проскользнул Сергей в деревянную калитку, ведущую в парк. Там, под густыми деревьями, было совсем темно. Издали слышался шум неугомонного ручья и чувствовалось его сырое, холодное дыхание. Отчётливо застучала под ногами деревянная настилка моста. Вода под ним была чёрная и страшная. Вот, наконец, и высокие чугунные ворота, узорчатые, точно кружево, и обвитые ползучими стеблями глициний. Лунный свет, прорезавшись сквозь чашу деревьев, скользил по резьбе ворот слабыми фосфорическими пятнами. По ту сторону был мрак и чутко-пугливая тишина.

Было несколько мгновений, в течение которых Сергей испытывал в душе колебание, почти страх. Но он поборол в себе эти томительные чувства и прошептал:

— А всё-таки я полезу! Всё равно!

Взобраться ему было нетрудно. Изящные чугунные завитки, составлявшие рисунок ворот, служили верными точками опоры для цепких рук и маленьких мускулистых ног. Над воротами на большой высоте перекинулась со

столба на столб широкая каменная арка. Сергей ощупью влез на неё, потом, лёжа на животе, спустил ноги вниз, на другую сторону, и стал понемногу сталкивать туда же всё туловище, не переставая искать ногами какого-нибудь выступа. Таким образом он уже совсем перевесился через арку, держась за её край только пальцами вытянутых рук, но его ноги всё ещё не встречали опоры. Он не мог сообразить тогда, что арка над воротами выступала внутрь гораздо дальше, чем снаружы, и по мере того как затекали его руки и как тяжелее свисало вниз обессилевшее тело, ужас всё сильнее проникал в его душу.

Наконец он не выдержал: его пальцы, цеплявшиеся за острый угол, разжались, и он стремительно полетел вниз.

Он слышал, как заскрежетал под ним крупный гравий, и почувствовал острую боль в коленях. Несколько секунд он стоял на четвереньках, оглушённый падением. Ему казалось, что сейчас проснутся все обитатели дачи, прибежит мрачный дворник в розовой рубахе, подымет крик, суматоха... Но, как и прежде, в саду была глубокая, важная тишина. Только какой-то низкий, монотонный, жужжащий звук разносился по всему саду: «Жжу... жжу... жжу...»

«Ах, ведь это шумит у меня в ушах!» — догадался Сергей. Он поднялся на ноги; всё было страшно, таинственно, сказочно-красиво в саду, точно наполненном ароматными снами. На клумбах тихо шатались, с неясной тревогой наклоняясь друг к другу, словно перешёптываясь и подглядывая, едва видимые в темноте цветы. Стройные, тёмные, пахучие кипарисы медленно кивали своими острыми верхушками с задумчивым и укоряющим выражением. А за ручьём, в чаще кустов, маленькая усталая птичка боролась со сном и с покорной жалобой повторяла: «Сплю!.. Сплю!.. Сплю!..»

Ночью, среди перепутавшихся на дорожках теней, Сергей не узнавал места. Он долго бродил по скрипучему гравию, пока не вышел к дому.

Никогда в жизни мальчик не испытывал такого мучительного ощущения полной беспомощности, заброшенности и одиночества, как теперь. Огромный дом казался ему наполненным беспощадными притаившимися врагами, которые тайно, с злобной усмешкой следили из тёмных окон за каждым движением маленького, слабого мальчика. Молча и нетерпеливо ждали враги какого-то сигнала, ждали чьего-то гневного, оглушительно грозного приказания...

(Из рассказа „Белый пудель“)

М. Ю. Лермонтов

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ. В. Мануйлов	3
<i>Утро</i>	
ЖАВОРОНОК. В. А. Жуковский	10
ВСЁ ПРОСНУЛОСЬ, ЗАПЕЛО, ЗАШУМЕЛО. И. С. Тургенев. Из рассказа „Бежин луг“	12
Я ЛЮБИЛ ПРИРОДУ... М. Ю. Лермонтов. Из романа „Герой нашего времени“	14
СТЕПЬ... УЛЫБНУЛАСЬ И ЗАСВЕРКАЛА РО- СОЙ. А. П. Чехов. Из повести „Степь“	17
УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА. И. С. Никитин	18
ЧЕРНЕЛИ МРАЧНЫЕ ТАИНСТВЕННЫЕ ПРО- ПАСТИ... М. Ю. Лермонтов. Из романа „Герой нашего времени“	20
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ УРЕМА. С. Т. Аксаков. Из хроники „Детские годы Багрова-внука“	22
«Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ С ПРИВЕТОМ...» А. А. Фет	24
МИЛАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА. А. И. Ку- прин. Из рассказа „Скворцы“	26
ЗИМНЕЕ УТРО. А. С. Пушкин	28
ЧУДНОЕ ЗРЕЛИЩЕ. А. С. Пушкин. Из путевых заметок „Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года“	31
СОН ЖЕРЕБЕНКА. А. И. Куприн. Из рассказа „Изумруд“	32
«ВСТАЁТ ЗАРЯ ВО МГЛЕ ХОЛОДНОЙ...» А. С. Пушкин. Из романа „Евгений Онегин“	35
ТУТ БЫ И ОСТАТЬСЯ ЖИТЬ НАВЕКИ... М. Ю. Лермонтов. Из романа „Герой нашего времени“	36
«ГОНИМЫ ВЕШНИМИ ЛУЧАМИ...» А. С. Пушкин. Из романа „Евгений Онегин“	39
НЕ УЗНАЮ ЛЕСА. И. А. Бунин. Из рассказа „Сосны“	40

День

УХ, ЖАРКО! Н. А. Некрасов. Из поэмы „Крестьянские дети“	45
В ЗАРОСШЕЙ, ГУСТОЙ МАЛИНЕ. Л. Н. Толстой. Из трилогии „Детство. Отрочество. Юность“	46
ДЕТСТВО. И. А. Бунин	48
ОСИНА. И. С. Тургенев. Из рассказа „Свидание“	50
СЕНОКОС. А. Н. Майков	52
ЧУДЕН ДНЕПР ПРИ ТИХОЙ ПОГОДЕ. Н. В. Гоголь. Из повести „Страшная месть“	54
ИНТЕРЕСНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ. Л. Н. Толстой. Из трилогии „Детство. Отрочество. Юность“	57
САД РАЗНООБРАЗНО ОДЕВАЛСЯ. И. А. Бунин. Из рассказа „Митина любовь“	58
«В НЕБЕ ТАЮТ ОБЛАКА...» Ф. И. Тютчев	60
«КРАСНЫМ ПОЛЫМЕМ ЗАРЯ ВСПЫХНУЛА...» А. В. Кольцов. Из поэмы „Урожай“	62
ПОЛДЕНЬ БЛЕЩЕТ В ТИШИНЕ И ЗНОЕ. Н. В. Гоголь. Из повести „Сорочинская ярмарка“	65
«МАМА! ГЛАНЬ-КА ИЗ ОКОШКА...» А. А. Фет	66
«А ТРОЙКА ВСЕ ЛЕТИТ СТРЕЛОЙ...» Н. А. Некрасов. Из стихотворения „Тишина“	69

Вечер

СОЛНЦЕ УЖЕ ПРЯТАЛОСЬ. А. П. Чехов. Из рассказа „Дом с мезонином“	72
ВЕЧЕР У ВЗМОРЬЯ. А. А. Фет	74
ВСПЫХИВАЕТ МОЛНИЯ. Л. Н. Толстой. Из трилогии „Детство. Отрочество. Юность“	76
«ГДЕ СЛАДКИЙ ШЕПОТ МОИХ ЛЕСОВ?..» Е. А. Баратынский	80
МНЕ НЕ ХОТЕЛОСЬ СПАТЬ. С. Т. Аксаков. Из хроники „Детские годы Багрова-внука“	82
«ГУСТОЙ ЗЕЛЕНый ЕЛЬНИК У ДОРОГИ...» И. А. Бунин	84

ВСЕ ПТИЦЫ СПЯТ. И. С. Тургенев. Из рассказа „Ермо- лай и мельничиха“	86
ДОГОРЕЛ АПРЕЛЬСКИЙ СВЕТЛЫЙ ВЕЧЕР. И. А. Бунин	89
БОЛЬШАЯ ГОЛОВАСТАЯ СОВА. И. А. Бунин. Из рассказа „Маленький роман“	90
ПЕЙЗАЖ. А. Н. Майков	93
ПОДСНЕЖНИКИ. И. А. Бунин. Из рассказа „Сосед“	95
Ночь	
В НОЧНОМ. И. Э. Суриков	98
ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ НОЧЬ. Н. В. Гоголь. Из повести „Майская ночь, или Утопленница“	100
БЕСЫ. А. С. Пушкин	102
МЕТЕЛЬ. А. С. Пушкин. Из повести „Метель“	104
ИЗ ГЕТЕ. М. Ю. Лермонтов	106
В ВОЛШЕБНОМ ЦАРСТВЕ. Л. Н. Толстой. Из романа „Война и мир“	108
«ЧУДНАЯ КАРТИНА, КАК ТЫ МНЕ РОДНА...» А. А. Фет	113
ЗАКАТ ДОГОРЕЛ. А. И. Куприн. Из рассказа „Грана- товый браслет“	114
БЫЛО ДАЛЕКО ЗА ПОЛНОЧЬ. А. И. Куприн. Из рассказа „Белый пудель“	116
ОСЕНЬ. М. Ю. Лермонтов	122

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

УЛЫБКА ЯСНАЯ ПРИРОДЫ

СБОРНИК

Ответственный редактор
И. Г. О д о е в ц е в а

Художественный редактор
В. В. К у п р и я н о в

Технический редактор
Т. С. Х а р и т о н о в а

Корректоры Л. Л. Б у б н о в а
и К. Д. Н е м к о в с к а я

Сдано в набор 28/V 1975 г. Подписано к печати 8/I 1976 г. Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 10,95. Тираж 100 000 экз. Заказ № 80. Цена 1 р. 31 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

У 50 Улыбка ясная природы. Сборник. Составитель
Л. К. Камышанова. Предисловие В. А. Мануйлова.
Рис. В. Эвонцова и Е. Эвонцовой. Л., «Дет. лит.»,
1976.

127 с. с ил.

В сборник включены отрывки из произведений русских писателей и поэтов, посвященные описанию родной природы.

РС.мл

